

Т Р У Д Ы
ОБЩЕСТВА ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ
при **ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ.**
ТОМЪ III, № 4.

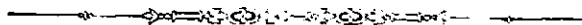
ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ ВОГУЛАМЪ.

ОТЧЕТЪ,

**ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ОТДѢЛУ АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ КАЗАНСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ.**

Н. СОРОКИНА.

Съ восемью таблицами и картой.

КАЗАНЬ.

Лито- и типографія К. А. Тилли, на Грузинской улицѣ, рядомъ съ телеграфной станціей.

1873.

Печатано по опредѣленію Общества Естествоиспытателей. Вице-Президентъ Мельниковъ.

Казанское Общество Естествоиспытателей организовало нынѣшнимъ лѣтомъ экспедицію для изслѣдованія малонизвѣстныхъ Пермскихъ и Вогуловъ. Причина, побудившая приняться за подобную работу, была распространенное мнѣніе, что обѣ эти народности *вымираютъ*; особенно-Вогулы, какъ было слышно, исчезаютъ чрезвычайно быстро. Пермское земство, заинтересованное также этимъ важнымъ вопросомъ, предложило съ своей стороны нѣкоторое матеріальное содѣйствіе Обществу Естествоиспытателей, чтобы оно могло послать нѣсколько лицъ для возможно большей разработки этой задачи, со всѣхъ сторонъ.

Будучи приглашенъ участвовать въ экспедиціи какъ ботаникъ, я долженъ былъ главнымъ образомъ обратить вниманіе на тѣ растенія, которыя употребляютъ названными народами въ пищу, которыми они лечатся и вообще на тѣ овощи и злаки, которые разводятся ими.

Понятно, что попавши въ такую мѣстность, какъ Уралъ, я не могъ ограничиться только этой узкой рамкой. Не смотря на нѣкоторыя сочиненія, касающіяся флоры Уральскаго хребта, онъ еще далеко не изслѣдованъ; отдѣлъ споровыхъ растеній почти совершенно не тронутъ. Эти то соображенія и заставили меня построить такого рода планъ моихъ изслѣдованій:

1) Пересѣчь Уралъ на его незначительныхъ высотахъ, напримѣръ у Екатеринбурга; потомъ замѣтить нѣкоторыя отличія во флорѣ болѣе возвышенной части, напр. по Серебрянскому тракту, и наконецъ изслѣдовать еще болѣе высокую часть его у Богословска.

2) Опредѣлить разницу во флорахъ Западнаго и Восточнаго Урала.

3) Обратитъ особенное вниманіе на низшія споровыя растенія (грибы, лишайники и водоросли), и наконецъ

4) Подмѣтить относительное расположеніе споровыхъ растеній на большихъ высотахъ, начиная отъ подошвы до ихъ вершины. Для этого необходимо было посѣтить самыя возвышенныя Уральскія точки, какъ-то: Денежкинъ, Конжаковский, Павлинскій камни и пр.

Такова была программа моихъ занятій ботаническихъ, но не менѣе важнымъ былъ также вопросъ такого рода: какую изъ двухъ народностей (Пермскихъ или Вогуловъ) избрать для изслѣдованія? понятно, что въ одинъ разъ успѣть осмотрѣть и тѣхъ и другихъ было бы невозможно, тѣмъ болѣе, что живутъ они въ различ-

ных мѣстностяхъ. Но національная особенность Пермиковъ почти исчезла. Вотъ что говорится о нихъ въ «Статистикѣ Пермской губерніи»: Пермьки составляютъ остатки первобытнаго населенія этой губерніи и живутъ въ настоящее время въ сѣверо-западной ея части. Но вслѣдствіе колонизаціи русскихъ пространство, занимаемое Пермьками, мало по малу стѣснялось, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла постепенно и ихъ національная особенность, такъ что въ настоящее время Пермьки составляютъ двѣ совершенно различныя части. Одни еще удержали хотя главныя отличительныя черты своего племеннаго характера, тогда какъ другіе почти совсѣмъ утратили все первобытное, исказивъ его или замѣнивъ совершенно нравами и обычаями своихъ ближайшихъ сосѣдей—русскихъ. Вотъ почему Пермьки дѣлятся въ настоящее время на коренныхъ и обрусѣлыхъ. «Первые изъ нихъ живутъ въ Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ, а послѣдніе исключительно въ Чердынскомъ.»¹⁾

Что же касается до Вогуловъ, то хотя въ томъ же сочиненіи говорится, что они «по большей части уже *совсѣмъ обрусѣли*», однако нѣсколькими строчками ниже стоитъ слѣдующее: «между собой они говорятъ на своемъ природномъ языкѣ, а съ русскими ломанымъ русскимъ, къ которому примѣниваютъ свои собственные слова. Народъ этотъ принадлежитъ къ числу *полудикихъ племенъ* и хотя исповѣдуетъ христіанскую религію, но едва-ли много понимаетъ въ этомъ, совершенно чуждомъ для него, ученіи.»²⁾

Изъ приведенныхъ словъ видно, что Вогулы во всякомъ случаѣ гораздо болѣе остались дикими, нежели Пермьки, и слѣдовательно между этимъ народомъ можно найти гораздо болѣе типичнаго. Съ другой стороны указанія на то, что Вогулы сильнѣе вымираютъ—все это заставило меня и спутника моего Н. М. Маліева приняться за послѣднихъ. Рѣшено было отправиться на восточную сторону Уральскаго хребта, на берега р. Лозвы, и по возможности видѣть дикихъ Вогуловъ въ ихъ домашней обстановкѣ, со всѣми ихъ обрядами, до которыхъ только слегка коснулась русская цивилизація. Дорогой мы должны были посѣтить нѣсколько деревень обрусѣвшихъ Вогуловъ, чтобы замѣтить типъ [тѣхъ и другихъ. Наконецъ, если позволитъ время, перебраться черезъ Уралъ на р. Вишеру и попасть въ Чердынскій уѣздъ, гдѣ можно бы было видѣть и Пермиковъ.

Такимъ, образомъ создавши себѣ подробный планъ, мы двинулись въ путь.

¹⁾ Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Пермская губернія. 1864. Т. II. стр. 560.

²⁾ Ib. с. стр. 574.

Мѣстность между Пермью и Кунгуромъ извѣстна каждому, и потому я не стану входить въ подробное ея описаніе; скажу только, что все это пространство покрыто чуть не сплошнымъ хвойнымъ лѣсомъ, изрѣдка прерываемымъ не большими рошицами березы. Почва каменистая, изрытая глубокими оврагами.

23 *Іюня*. Въ Кунгурѣ мы остановились. Въ одной верстѣ отъ него, на берегу р. Сылвы, находится такъ называемая *Ледяная*¹⁾ гора, состоящая изъ алебастру; въ ней находится обширная пещера, простирающаяся въ длину на нѣсколько верстъ. Собственно говоря это есть пѣлая цѣпь гротовъ различной величины, соединяющихся одинъ съ другимъ. Мнѣ было весьма интересно осмотрѣть эту пещеру, такъ какъ въ ней находится, по рассказамъ, громадное озеро, которому народная фантазія придаетъ эпитетъ «*бездонная*». Въ этомъ подземномъ резервуарѣ, до котораго никогда не доходитъ лучъ свѣта, я надѣялся найти хоть какіе нибудь организмы животного или растительнаго царства. Къ сожалѣнію, прійдя ко входу въ пещеру (или какъ ее здѣсь называютъ «*пещору*»), я увидалъ только массу льда и лужу воды. На разчистку потребовалось бы довольно много времени, но такъ какъ мы спѣшили отправиться на сѣверъ, то я и долженъ былъ оставить осмотръ озера до какаго нибудь другаго благопріятнаго случая.

Въ Богословскѣ, въ которомъ мы надѣялись найти указанія о мѣстахъ жительства кочевыхъ Вогуловъ, ведутъ, какъ извѣстно, два пути: одинъ, дальній—черезъ Екатеринбургъ и Верхотурье; другой, ближній—по Серебрянскому тракту, черезъ Кыновской, Серебрянскій, Кушвинскій заводы и Верхотурье. Мы избрали послѣдній, какъ кратчайшій, и такимъ образомъ мнѣ пришлось нѣсколько измѣнить планъ моей ботанической программы.

Едва выѣхали мы изъ Кунгура, какъ по обѣ стороны дороги потянулся темный хвойный лѣсъ. Мѣстность представлялась холмистою, изрѣзанною множествомъ ручьевъ и рѣчекъ; въ заливахъ ихъ вода была зелена отъ присутствія громаднаго числа водорослей (изъ группъ *Diatomaceae* и *Desmidiaceae*). Не смотря на каменистую и ухабистую дорогу, ѣхать намъ было-бы сносно, если-бъ погода неизмѣнилась: сильные дожди останавливали насъ на станціяхъ, не позволяли мнѣ много экскурсировать; мы должны были двигаться медленно и насилу добрались до Кыновскаго завода (25-го *Іюня*).

Кыновскій заводъ (или «Кынь», какъ его называютъ тамошніе жители) расположенъ въ чрезвычайно красивой мѣстности: вокругъ большаго пруда группируются домики жителей и со всѣхъ сторонъ поднимаются сѣрые, обрывистые утесы, покрытые лѣсомъ. Утесы эти не составляютъ однородной массы, но состоятъ изъ толстыхъ пластовъ, наложенныхъ параллельно другъ на друга; вслѣдствіе геологическихъ переворотовъ правильности въ расположеніи этихъ пластовъ не замѣчается:

¹⁾ См. Матеріалы для географіи и ст. Пермск. губ. Т. I. стр. 85.

они изломаны, исковерканы и сдвинуты самым прихотливым образом. Этот-то своеобразный видъ утесовъ и придаетъ особенную прелесть всему виду.

Здѣсь указали намъ, что въ 12 верстахъ отъ завода находится Вогульская деревня *Бабенки*, что жители ея совершенно уже обрусѣли, говорятъ и одѣваются по русски и вообще ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ брестьянъ.

(26-го *Юня*.) Черезъ густой хвойный лѣсъ направились мы въ указанную деревню. Чрезвычайно узкая дорога шла извиваясь между деревьями и каменьями. Но скоро и этотъ путь остался у насъ въ сторонѣ, и мы пустились по такой узкой тропинкѣ, что колеса нашей будки то и дѣло вскакивали на пни, дѣплялись за стволы и попадали въ ямы... Мы ожидали, что непременно сломаемъ себѣ шею.

Наконецъ лѣсъ началъ рѣдѣть, вдали блеснула рѣка и показалось нѣсколько хатъ, составляющихъ деревню *Бабенки*. Единственная улица (если можно только назвать ее такимъ образомъ) представляетъ грязное пространство между избами, которыя имѣютъ такую же архитектуру, какъ и русскія. Здѣшніе Вогулы имѣютъ весьма красивую наружность, высокаго роста, съ темными бородами и курчавыми волосами на головѣ. Костюмъ чисто русскій. Говорить они на своемъ родномъ языкѣ совершенно не умѣютъ и изъясняются очень бѣгло по русски.

По случаю нашего приѣзда между жителями деревни ходили самые разнообразные толки: одни принимали насъ за чиновниковъ, присланныхъ для того, чтобы вербовать ихъ въ «солдатчину», другіе же увѣряли, что это ихъ переселять хотятъ на другое болѣе удобное мѣсто жительства.¹⁾

Вогулы здѣсь всѣ христіане; говѣть бѣдятъ въ ближнюю церковь; празднуютъ всѣ русскіе праздники. Подойдя къ окну одной избы, я увидѣлъ тѣ-же лавки по стѣнамъ, печь, столъ и въ углу икону. Они сообщили, что хлѣбопашествомъ имъ негдѣ заниматься, такъ какъ земли ихъ сильно стѣснены Строгоновскими владѣніями; что они занимаются чѣмъ придется: и охотой и рыбной ловлей. Наконецъ намъ рассказали даже преданіе, что основала эту деревню одна баба—Вогулямба, почему и поселеніе носитъ названіе—*Бабенка*. Я старался узнать—какія травы употребляютъ они при болѣзняхъ,—но на это мнѣ отвѣтили, что лечиться они никогда не лечатся, а что «если суждено умереть, то ужъ непременно умрешь».

Отсюда мы отправились на лодѣхъ по Чусовой до Осянской пристани и тамъ, доставши верховыхъ лошадей и проводника, пустились осмотрѣть, лежащую въ 10 верстахъ, вторую Вогульскую деревню—*Кончикъ*. Въ этомъ селеніи былъ путешественникъ *Георги* въ 1773 г. (который посѣтилъ также и *Бабенку*) и довольно подробно описываетъ нравы и образъ жизни тогдашнихъ ея обитателей.²⁾ Пере-

¹⁾ Вогулы платятъ, какъ извѣстно, подать (ясакъ) шкурами, отъ этого на Уралѣ ихъ обыкновенно называютъ просто—*ясачными*.

²⁾ J. G. Georgi Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773—1774. В. II. S. 591. 596.

Половъ. Хозяйственное описаніе Пермской губ. 1804 (Чулпна. Обзорѣніе и пр.)

Rogow. Eine Fahrt auf der Tschussowaja (Arch. für wiss. Kunde von Russland. T. XII стр. 118—147.

намъ вкратцѣ его описаніе, для того чтобы сравнить съ тѣмъ, что мы нашли черезъ сто лѣтъ послѣ.

По словамъ Георги, Вогулы, живущіе въ Копчикѣ, также какъ и въ Бабенкахъ, почти обрусѣли. Они живутъ и одѣваются точно также, какъ и русскіе мужики, и такъ какъ страсть къ вину у нихъ весьма сильно развита, то они и празднуютъ всѣ русскіе праздники, для того чтобы имѣть предлогъ выпить. Исключая нѣсколькихъ штукъ скота, хозяйства Вогулы не имѣютъ; хлѣбопашествомъ совершенно не занимаются. Пьянство держитъ ихъ въ большой бѣдности, одѣваются и ходятъ они въ высшей степени грязно, тѣмъ болѣе что о баняхъ нѣтъ и помину. Каждый Вогулъ имѣетъ право покупать себѣ столько женъ, сколько можетъ прокормить (хотя въ Копчикахъ Георги не встрѣчалъ многоженства). Калымъ (*Kalin* по Георги) простирается отъ 15 до 5 р. сер. Свадьба происходитъ безъ всякой церемоніи: женихъ ведетъ въ свою хату невѣсту и на другой день называется своей женой. Женщины—Вогулянки занимаются также, какъ и русскія женщины—пряжей и тканьемъ. Новорожденному ребенку даетъ имя какая нибудь старуха.

На охотѣ хотя Вогулы и употребляютъ огнестрѣльное оружіе, но больше ходятъ съ лукомъ и стрѣлами, наконечники которыхъ состоятъ изъ острыхъ костей.

Они не имѣютъ ни жрецовъ (*Priester, Satkataba*), ни волдуновъ. Каждый отецъ семейства совершаетъ *богослуженіе*, хотя они не ясно понимаютъ, что надо разумѣть подъ этимъ именемъ. Каждая деревня имѣетъ свое мѣсто для жертвоприношенія въ лѣсу (который исключительно предназначается для такихъ церемоній). Въ небольшомъ мѣстечкѣ, среди непроходимой чащи находится это мѣсто, называемое по вогульски—*Torom Setkedug* (Торомъ Сеткедугъ); въ нему проложена тропинка таковыи образомъ, что она приводитъ всегда къ сѣверной части площадей; на южной ея сторонѣ стоятъ скамья или низкій столъ, позади котораго врытъ столбъ вышиною въ 4 фута. Кругомъ развѣшаны черепа и полусгнившія лошадиныя шкуры.

Вѣруютъ Вогулы въ одного бога, котораго они называютъ *Торомъ*. У него въ рукахъ находится судьба смертныхъ, онъ управляетъ вселенной; любитъ честность, но и не огорчается пьянствомъ и другими безчинствами. Смерть, по мнѣнію Вогуловъ, есть божеское наказаніе; понятія о будущей жизни весьма сбивчивы, по видимому заимствованы у русскихъ, также какъ представленія о *нечистой силѣ* или *чортѣ*. Они увѣряли Георги, что у нихъ никакихъ идоловъ не имѣется, но по свидѣтельству нѣкоторыхъ русскихъ, осторожные Вогулы прячутъ своего идола въ лѣсу и выставляютъ только во время жертвоприношеній. Этотъ идолъ имѣлъ форму человѣческую и былъ закутанъ въ красныя лоскуты.

Живетъ-ли богъ (Торомъ) на солнцѣ, или-же само солнце есть ничто иное какъ богъ—они сами себѣ не могутъ уяснить. Кромѣ бога, они не имѣютъ никакихъ божествъ, хотя луна находится также въ большомъ почетѣ.

Чтобы угодить богу Вогулы празднуютъ ежегодно два праздника съ жертвами, молитвами и веселіемъ. Главный праздникъ есть торжество *новаго года*, *ель-болела* (Jelboléla), которое совершается на первый день праздника пасхи. Они считаютъ этотъ праздникъ за день сошествія бога на землю, въ чемъ надо видѣть наступленіе весны; при этомъ всѣ молитвы обращаются къ солнцу.

Второй праздникъ бываетъ на второе новолуніе послѣ перваго торжества и называется *анкобо* (ankobo); въ этотъ день все совершается точно также, какъ и на новый годъ, разница вся заключается въ томъ, что жертвы приносятся въ меньшемъ количествѣ. Всѣ молящіеся обращаются на югъ, или къ жертвамъ, которыя обыкновенно ставятся на южной части. Въ жертву (*таинз*, Tain) приносятся и плоды и животныя; изъ птицъ предпочитаютъ лебеди. Кромѣ того предлагаютъ въ даръ божеству молоко, водка и пиво.

Во время жертвоприношенія каждый домохозяинъ, по очереди совершаетъ нѣчто въ родѣ богослуженія, потомъ все поѣдается и выпивается, и такъ какъ желающихъ приносить жертвы обыкновенно набирается много, то каждый праздникъ празднуется иногда до шести и болѣе дней, не смотря на то, что первая жертва приносится съ восходомъ солнца.

Церемонія жертвоприношеній слѣдующая:

Всѣ мужчины собираются на мѣсто, женщины не имѣютъ права присутствовать. Животное убиваютъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, кожа снимается, мясо отчищается отъ костей и варится вмѣстѣ съ внутренностями. Кости закапываются, а кожа (если въ жертву принесена была лошадь) развѣшивается въ лѣсу. Кромѣ того кости лошади не закапываются, а сжигаются. Голова животного, изъ которой вынимается мозгъ, обыкновенно варится.

Голову и сердце кладутъ на блюдо, мясо въ другой сосудъ и все это ставится на столъ, съ большимъ количествомъ пива и водки. Мозгъ и немного сала (или жира) кладутъ на дощечку, помѣщаютъ на столъ и зажигаютъ. Въ продолженіи того времени, какъ мозгъ (*тиргъ*, Tir) горитъ, всѣ присутствующіе обращаются къ священному пламени, вздыхаютъ, выражаютъ свои желанія богу и кладутъ земные поклоны. Если находится такой человѣкъ, который ничего не желаетъ, тотъ повторяетъ все время — *таромъ исъ наэргъ!* (т. е. помилуй господи).

Едва огонь потухъ, домохозяинъ приносящій жертву дѣлитъ сердце и мясо вареной головы на столько частей, сколько находится присутствующихъ, которые и пожираютъ все съ молитвами и поклонами. Также дѣлятся и напитки. Потомъ оставшійся черепъ вѣшаютъ на близъ стоящее дерево, остальное-же мясо и напитки отправляютъ въ деревню, гдѣ и поѣдается все вмѣстѣ съ женами и дѣтьми.

Послѣ перваго домохозяина начинается жертвоприношеніе втораго, потомъ третьяго и т. д.

Мертвыхъ своихъ Вогулы хоронятъ въ одномъ мѣстѣ въ лѣсу, которое называется — *каамасса* (*Kallassa*). Могилы (*ванка*, *Wanka*) роютъ съ С. на Ю., куда и кладутъ своихъ покойниковъ или въ ящикахъ или-же безъ нихъ, причемъ соблюдаютъ, чтобы голова мертвеца лежала на сѣверномъ концѣ могилы. Особыхъ церемоній при похоронахъ не имѣется.»

Такъ описываетъ Георги жителей Копчика за сто лѣтъ до нашего посѣщенія. Теперь представлю вкратцѣ описаніе нашего путешествія въ это мѣстечко. (26-го Іюня).

Изъ Осянской пристани можно попасть въ Копчикъ или верхомъ или пѣшкомъ, о ѣздѣ въ какой-бы то ни было повозкѣ нечего и думать. Дорога въ эту деревню есть ничто иное, какъ едва протоптанная тропинка, которая сначала идетъ по берегу Чусовой и потомъ поворачиваетъ въ лѣсъ, поистинный дѣвственный.

Высокія ели достигаютъ здѣсь необыкновенной толщины и покрыты длинными прядями бородачатаго лишайника (*Usnea barbata*) въ такой степени, что издали дерево представляется облеченнымъ какъ-бы въ сѣрую, мохнатую одежду. (Кромѣ того можно было замѣтить, что непомѣрное развитіе этого лишайника вредно для растенія, — дерево умираетъ, засыхаетъ). На влажной почвѣ лежатъ громадныя стволы, упавшіе или отъ бурелома или же отъ старости, и гниютъ тутъ-же на мѣстѣ; поверхность ихъ покрыта толстымъ слоемъ мха, который уступаетъ малѣйшему надавливанію, — подъ нимъ находится громадное дупло. Наконецъ эти же полусгнившіе стволы служатъ какъ-бы почвой, для роскошныхъ кустовъ папоротниковъ и цѣлой колоніи шляпныхъ грибовъ (*Ag. ostreatus*, *Ag. velutipes* и др.). Извиваясь между громадными камнями, тропинка то вдругъ опускалась на дно крутаго каменистаго оврага, то поднималась почти на отвѣсную скалу, на которую необыкновенно ловко карабкались наши верховыя лошади. Направо и на лѣво между деревьями видѣлись необыкновенной величины пни, покрытыя коричневымъ, старымъ мхомъ; издали форма ихъ до такой степени напоминала фигуру медвѣдя, что мнѣ постоянно казалось необходимымъ братья за револьверъ. Воображеніе наше было сильно возбуждено разсказами о томъ, что «сегодня ночью» былъ разорванъ жеребенокъ медвѣдицей съ двумя медвѣжатами. Иногда лѣсъ прерывался болотомъ, въ которомъ лошади грузли выше колѣна, иногда приходилось прыгать черезъ ямы, такъ какъ свернуть въ сторону небыло никакой возможности въ слѣдствіе густоты лѣса.

Что особенно поражаетъ въ Уральскихъ лѣсахъ—это мертвая тишина! ни одного звука!.. Ни одна птица, какъ нарочно, не пикнула. Молчаніе прерывалось только звукомъ шаговъ лошадей, да трескомъ какой нибудь вѣтви, лежащей на дорогѣ. Эта тишина, вмѣстѣ съ постоянными сумерками, царствующими подъ развѣсистыми вѣтками деревьевъ,—дѣйствуетъ какъ-то тревожно на душу, и я былъ очень радъ, когда мы выбрались изъ чащи и подъ горой, въ оврагѣ, замѣтили нѣсколько избъ д. Копчика.

Грязь на улицѣ, по которой мы еле пробрались, не смотря на наваленный хворостъ—была изумительна. Хижины покривились на сторону и выглядывали также грязно и непривѣтливо. Наружный видъ ихъ ничѣмъ не отличался отъ русскихъ избъ.

Вся деревня выстроена на берегу Чусовой, по обѣ ея стороны. Жители имѣютъ таковой-же русскій типъ, какъ и обитатели Бабенокъ.¹⁾ Костюмъ также не имѣетъ ничего оригинальнаго. Говорить по вогульскѣ никто изъ нихъ не умѣлъ. Занятія мужчинъ исключительно состоятъ изъ охоты, и есть между ними и такіе, которые въ одиночку ходятъ на медвѣдя, вооруженные кремневымъ ружьемъ и рогатиной.

Женщины занимаются хозяйствомъ и иногда даже помогаютъ мужьямъ на охотѣ. Намъ рассказывали, что недавно умерла одна старуха, которая вначалѣ, еще во времена своей молодости, постоянно хаживала съ мужемъ на медвѣдя, и когда наконецъ овдовѣла, то все таки не могла оставить своего любимаго занятія. Мало того, она даже сына старшаго учила сама стрѣлять и ходить на звѣря. Утверждали, что не было примѣра, чтобы старуха, выслѣдившая медвѣдя или лося (*сохатаю*, на туземномъ нарѣчій), возвращалась домой съ пустыми руками, хотя-бы пришлось прожить въ лѣсу нѣсколько дней.

Скота жители Копчича имѣютъ мало и не много заботятся о немъ. Обыкновенно лошади и коровы ходятъ по лѣсу безъ всякаго присмотра и иногда заходятъ весьма далеко отъ своихъ хозяевъ. Осенью весьма часто недосчитываются или коровы или теленка, который дѣлается жертвою хищныхъ животныхъ.²⁾ Земледѣліемъ здѣшніе Вогулы не занимаются. Всѣ они христіане и о жертвоприношеніяхъ, описанныхъ Георги, нѣтъ и помину. Идоловъ и другихъ предметовъ, напоминающихъ собою прежнія времена язычества,—мы не могли найти.

Таковы жители Копчича почти черезъ сто лѣтъ послѣ посѣщенія этой деревни путешественникомъ Георги. Собравши всѣ необходимыя³⁾ свѣденія, мы отправились въ обратный путь. Такъ какъ солнце уже сѣло и черезъ лѣсъ было бы темно и не безопасно возвращаться, нашъ проводникъ, проѣхавши нѣсколько верстъ по опушкѣ, выбрался на самый берегъ Чусовой. Скалы, составляющія въ этомъ мѣстѣ берегъ, чрезвычайно обрывисты, нависаютъ большими массами надъ водой и состоятъ изъ пластовъ, поставленныхъ «на ребро». Понятно, что цѣпляться лошадямъ за такую поверхность ужасно неудобно, такъ какъ горная порода чрезвычайно тверда; ради этого обстоятельства мы должны были идти большую часть пути пѣшкомъ, веля на поводу лошадей. Въ одномъ мѣстѣ скалы такъ круто обрываются въ рѣку, что идти съ лошадьми сдѣлалось совершенно невозможно: надо было пустить ихъ вплавь, а самимъ, цѣпляясь руками и ногами, ползти у самой поверхности

¹⁾ Хотя мы нашли одного высокаго мужчину съ выдавшимися скулами и косымъ прорѣзомъ глазъ.

²⁾ За то каждый хозяинъ пьетъ по нѣскольку собакъ, которыя помогаютъ ему во время охоты.

³⁾ Овошей здѣсь не разводятъ и лечиться травами—также не лечатся. Все предоставляется природѣ.

Чусовой, которая здѣсь глубока и очень быстра. Въ одномъ мѣстѣ я совсѣмъ бы полетѣлъ въ воду, если бы не рука проводника, который подоспѣлъ во время.

Послѣ такого труднаго пути мы уже поздно вернулись въ Осианскую пристань и сейчасъ-же отправились дальше, чтобы попасть скорѣе въ Серебрянскій заводъ. Здѣсь возвышенности начинаютъ больше и больше увеличиваться, въ первый разъ попадаются въ видѣ рощицъ *кедр*¹⁾ и вдали начинаютъ обрисовываться холмообразные отроги Уральскаго хребта.

Въ ночь на 27-е Іюня проѣхали мы часовню, поставленную на границѣ Азіи съ Европой, и на зарѣ прибыли въ Кушвинскій заводъ, надъ которымъ, вся покрытая лѣсомъ, возвышается гора Благодать. Лѣсъ состоитъ главнымъ образомъ изъ сосны, ели, кое-гдѣ кедр и березы; между этими деревьями попадаются кусты можжевельника.

Вся гора, какъ извѣстно, состоитъ изъ магнитнаго желѣзняка и на вершинѣ представляетъ обрывистыя, живописныя скалы. На одной изъ нихъ стоитъ деревянная часовня, а около — чугунный памятникъ, въ видѣ колонны, на верху которой помѣщенъ пламенѣющій свѣтильникъ. На одной изъ сторонъ колонны находится надпись: «Вогуль Степанъ Чумпинъ сожженъ здѣсь въ 1730 году»²⁾ Въ память этого событія ежегодно 6-го Августа совершается крестный ходъ изъ Кушвинскаго завода на гору Благодать. (Вогульскій старшина Степанъ Чумпинъ былъ принесенъ въ жертву своими одноплемениками за открытіе Русскимъ горы Благодати и привлеченіе изъ въ страну, ими дотогѣ спокойно занимаемую).³⁾

Въ ямахъ, находящихся на вершинѣ Благодати, находилась вода, которая имѣла вязущій непріятный вкусъ и по цвѣту напоминала морскую вогу, что зависѣло отъ громаднаго количества водорослей (изъ группы *Desmidiaceae*). Но что особенно меня поразило, такъ это то, что не было почти ни одного кустика *Vaccinium Vitis Ideae*, который не былъ бы зараженъ грибомъ, открытымъ I. Kühn⁴⁾ и носящимъ названіе *Calyptrospora görrpertiana*. Этотъ паразитъ до сихъ поръ еще не былъ найденъ въ Россіи, и весьма сильно распространенъ на Уралѣ.

По измѣренію Гумбольдта и Розе, Благодать возвышается до 1,150 ф. надъ поверхностью Кушвинскаго завода, по свидѣтельству же Гельмерсена, Кушвинскій заводъ лежитъ на 800 ф. надъ океаномъ; абсолютная же высота горы Благодать 1260 французскихъ футовъ»⁵⁾).

Сильнѣйшая гроза заставила насъ поскорѣе убраться съ вершины. Тучи неслись быстро надъ нашей головой и были такъ низки, что казалось могли задѣкнуть—

¹⁾ По крайней мѣрѣ я увидѣлъ его впервые около Серебрянскаго завода, но не утверждаю, чтобы это дерево не росло еще западнѣе.

²⁾ Прежде на этомъ мѣстѣ стоялъ простой деревянный крестъ.

³⁾ Статистика Пермск. губ. Т. I. стр. 77.

⁴⁾ Hedwigia. 1869. S. 81. № 6.

⁵⁾ Стат. Перм. губ. Т. I. стр. 77.

си за часовню, молнія почти непрерывно освѣщала окрестность багровымъ свѣтомъ и громъ съ ужаснымъ трескомъ раздавался по ущельямъ. Всѣ мокрые вернулись мы домой.

(29-е *Юня*.) Мѣстность сѣвернѣе *Кушвы* (такъ называютъ туземцы Кушвинскій заводъ) становится возвышеннѣе. На горизонтѣ мы замѣтили синѣющий *Кашканаръ*, гору отличающуюся своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ; потомъ появился громадный *Павдинскій камень*.

Лѣсъ также становился гуще. Кромѣ прежнихъ породъ, мы бросались въ глаза высокія *лиственницы*. Дорога пролегала по берегу р. Туры,¹⁾ которая быстро течетъ по каменистому руслу. Ночью, во время грозы, мы замѣтили лебедя, который неся по теченію и ловко лавировалъ между камнями. Поздно добрались мы до Верхотурья, гдѣ кромѣ всѣхъ неудобствъ начали испытывать муки голода: въ монастырской гостинницѣ, кромѣ постнаго, нельзя было ничего достать и насъ, послѣ усиленныхъ просьбъ, угостили чѣмъ то необыкновенно твердымъ, называвшимся впрочемъ котлетами.

Приближаясь къ Богословску, на всемъ протяженіи отъ Верхотурья можно замѣтить, что кедръ и лиственница попадаютъ въ болѣе и болѣе количество; кустарникъ сѣверной малины (*Rubus arcticus*) дѣлается обыкновеннымъ, тогда какъ западнѣе онъ встрѣчался рѣже. Типина лѣса здѣсь нарушалась только рѣзкимъ крикомъ *кедровки* (птицы получившей свое названіе отъ того, что питается исключительно кедровыми орѣхами).

По дорогѣ около селеній вездѣ дымились навозныя кучи и при вѣздахъ устроены, были заставы по случаю сильнаго падежа скота. Нашу кибитку каждый разъ осматривали, боясь чтобы не провезли сѣна, главнаго источника заразы (какъ намъ объяснили).

Въ этой мѣстности начинаетъ появляться ужасный бичъ сѣвера, отъ котораго весьма не легко отдѣлаться—*комары*. Цѣлыми роями носятся они въ воздухѣ и садятся на всякое животное. Количество ихъ до такой степени велико, что бѣлая лошадь на которой помѣстился рой этихъ насѣкомыхъ, представляется пѣгою, даже сѣрою; такъ густо покрываютъ они тѣло! Можно судить, что чувствуетъ при этомъ человѣкъ непривычный! Ужаленіе комара не ограничивается, какъ въ нашихъ мѣстахъ, только непріятнымъ зудомъ, но вся нервная система потрясается до нѣкоторой степени и «морозъ подираетъ по кожѣ», по вѣрному выраженію простолюдиновъ. Подобныя ощущенія являются въ моментъ укуса одного комара; но такъ какъ обыкновенно кусаютъ въ одно время въ разныхъ мѣстахъ,—то все, вмѣстѣ взятое, можетъ довести человѣка до отчаянія. Крестьяне, выходящіе куда нибудь изъ дома, употребляютъ отъ подобныхъ непріятелей такъ называемыя *дымокурки*.

¹⁾ Р. Тура впадаетъ въ р. Тоболъ и до 1765 г. была судоходна отъ Верхотурья до Тобольска.

Это есть ничто иное какъ небольшой жестяной сосудъ, который наполняется сырыми щепками. Поджигая ихъ сухой травой, пѣшеходъ имѣетъ постоянно около себя дымъ, который нѣсколько разгоняетъ комаровъ. Подобныя дымокурни находятся у каждаго крестьянина, привязанныя за спиною. Мы окутывали лице кисеею, но она мало предохраняла насъ и приходилось отмахиваться постоянно руками, что составляло не очень веселую работу.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги намъ нерѣдко приходилось замѣчать небольшіе навѣсы на деревьяхъ, выстроенныя на скорую руку. Намъ объясняли, что это *лабазъ*, съ котораго обыкновенно бьютъ медвѣдя: кладутъ недалеко какую нибудь пададь, и ночью, какъ только медвѣдь начинаетъ приближаться къ приманкѣ охотники, сидящіе на лабазѣ, стрѣляютъ въ него.

Въ одномъ мѣстѣ, срывая нѣкоторыя растенія, я замѣтилъ нѣсколько экземпляровъ подорожника (*Plantago major*), цвѣточные ножки котораго представлялись очень длинными. Отъ этого фізіономія цвѣтка совершенно измѣнялась и издали можно было принять это растеніе за какое нибудь другое. (Подобная аномалія описана Ауэрсвальдомъ въ его «Руководствѣ къ гербаризаціи» стр. 62.)

Наконецъ мы достигли до *Богословскаго завода* (2-е Іюля.) Отсюда Уральскій хребетъ представлялъ великолѣпную картину. Выше всѣхъ возвышался Конжаковский камень, потомъ цѣпью тянулись: Кумба, Острогорская гора и др., закутанныя въ тяжелыя бѣлыя облака.

Въ окрестностяхъ завода лѣсъ довольно вырубленъ и встрѣчаются мѣста, засѣянные рожью. Интересно то, что Бегеръ¹⁾ въ 1826 году писалъ слѣдующее: «Богословскіе заводы есть самое оконечное селеніе на Уральскихъ горахъ къ Сѣверу. *Многіе изъ тамошнихъ уроженцевъ вовсе не видывали хлѣбнаго колоса.*» Изъ этого видно, что за эти десяти лѣтъ граница распространенія ржи подвинулась.

Здѣсь услышали мы непріятныя вѣсти: говорили, что вслѣдствіе дождей, которые лили здѣсь по цѣлымъ днямъ, дорога къ сѣверу отъ Богословска сдѣлалась не проходимою; что пробраться на какой нибудь Камень врядъ-ли удастся и что, наконецъ, весьма сомнительно, чтобы мы увидали хоть одного Вогула, такъ какъ они лѣтомъ, «въ высокую воду» отплываютъ къ верховью Лозвы.

Не смотря на подобныя предсказанія, мы все таки двинулись (4 Іюля) на сѣверъ, и черезъ нѣсколько времени прибыли въ *Турьинскіе рудники*, къ которымъ изъ Богословска ведетъ еще почтовая дорога. Но отсюда начиналось только настоящее путешествіе, со всѣми своими неудобствами. Такъ какъ экипажа дальше нельзя было достать, то мы должны были оставить весь свой багажъ, ограничиться самымъ необходимымъ, что могло помѣститься въ сумѣ,—и «налегкѣ» отправились

¹⁾ Бегеръ Геовост. записки о горахъ Уральскихъ. Горный Журналъ 1826 г. № 6, стр. 5.

въ путь. Къ счастью мнѣ попалась такъ называемая „качалка“, нѣчто похожее на одноколку, и на такомъ экипажѣ, по дорогамъ едва проложеннымъ черезъ лѣсъ и болота,—дотащился я до *Волчанки*. Въ этомъ мѣстечкѣ (5 Юля) состоящемъ изъ нѣсколькихъ домиковъ, выстроенныхъ въ дремучемъ лѣсу, даже и бачалокъ не было, приходилось продолжать путешествіе верхомъ.

Сначала этотъ родъ ѣзды показался даже болѣе сноснымъ, нежели въ трясковой телѣгѣ, но потомъ, отъѣхавши нѣсколько верстъ, то спускаясь съ горы, то взбираясь на крутизну, овладѣвала сильная усталость.

Для сокращенія пути, нашъ проводникъ вздумалъ пробраться черезъ горѣлый лѣсъ, который тянулся на правой сторонѣ дороги, и рассчитывалъ потомъ снова выѣхать на тропинку.

Выгорѣвшая часть лѣса имѣла довольно оригинальную наружность: черные, обгорѣвшіе стволы деревьевъ стояли, какъ колоссальныя колонны; такіе-же черные столбы лежали на землѣ или совершенно цѣлыми или-же разбитыми на большіе куски. Хвои деревьевъ представлялись желто-красными и, отражая солнечные лучи, наполняли весь лѣсъ какимъ-то необыкновеннымъ розовымъ или, лучше сказать, багровымъ свѣтомъ. Ни вустарниковъ, ни травы на почвѣ не было видно. Все выѣстъ взятое представляло мертвую, безотрадную картину.

Мы пробирались съ большимъ трудомъ черезъ наваленные сучья, лошади начинали уже утомляться, и не смотря на то, что прошло уже нѣсколько часовъ, о какой нибудь тропинкѣ не было и помину. Наконецъ лѣсъ снова началъ зеленѣть, показалась свѣжая растительность, какое-то тонкое болото, поросшее мхомъ, и мы остановились. Проводникъ осмотрѣлся—повернулъ назадъ. Болото показалось еще хуже. Лошади вязли и падали. Наконецъ мы начали смотрѣть съ недовѣріемъ на проводника, который метался изъ стороны въ сторону и, выбившись изъ силъ, объявилъ намъ, что сбился съ дороги.

Остаться въ лѣсу, который тянется до самой Сибиря, безъ всякаго запаса пищи и оружія,—представляло неутѣшительную перспективу, и мы общими силами начали отыскивать хоть какой нибудь значокъ, который-бы могъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствовать о томъ, что и здѣсь была нога человѣческая. Но все было напрасно!... Пробовали взобраться на дерево и сверху осматривать мѣстность—но кругомъ видѣлось одно безконечное, зеленое море лѣса. Къ довершенію всѣхъ непріятностей стаи комаровъ неотступно преслѣдовали насъ, такъ что мы нѣсколько разъ принуждены были останавливаться, разводить огонь и, ежась около дыма, хоть нѣсколько отдохнуть. Солнце заходило, въ лѣсу становилось темнѣе. Наконецъ, когда уже всякая надежда на отысканіе дороги была потеряна, среди гробоваго молчанія лѣса, раздались едва слышные звуки топора. Мы ожили, собрались съ силами и повели на этотъ спасительный звукъ нашихъ измученныхъ лошадей. Долго брели мы по болѣна въ болотѣ, уже можно было яснѣе слышать, какъ кто-то рубилъ

дерево; проводникъ врынулся. Звуки замолкли. Сколько мы не кричали—отвѣта не было. Съ трудомъ вылѣзли мы на маленькую площадку, гдѣ на влажномъ мхѣ ясно были видны слѣды человѣческихъ ногъ; у основанія дерева валились свѣжія щепки. Было ясно, что здѣсь кто-то собирался срубить дерево, но услышавши наши крики принялъ насъ за лѣсничихъ и поспѣшилъ убраться. Къ счастью, мы теперь болѣе ужъ не нуждались въ чьей либо помощи, потому что по слѣдамъ мы скоро выбрались на тропинку. Но каково было наше удивленіе, когда, осмотрѣвшись, мы увидѣли себя снова на томъ мѣстѣ, съ котораго своротили для сокращенія пути! Дѣлать было нечего, мы начали путь сначала и ужъ не заботились о его сокращеніи.

Тропинка, по которой мы ѣхали, была чрезвычайно узка и, извиваясь между деревьями, вела черезъ топкое болото. Кое-гдѣ попадались мостики, состоящіе изъ нѣсколькихъ бревенъ, лежащихъ поперегъ безъ всякаго порядка. Не будучи ни чѣмъ связаны другъ съ другомъ, онѣ двигались и опускались на зыбкой почвѣ или же погружались въ илъ подъ тяжестью лошади. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти мостики были такъ плохи, что мы проходили ихъ пѣшкомъ, шагая по одному бревну, предоставляя лошадямъ перебираться, какъ имъ заблагоразсудится, и дѣйствительно только тамошнія лошади могутъ такъ ловко перепрыгивать и перелѣзать на такихъ переправахъ.

(5 *Юля*). Какъ мы не спѣшили, но все такъ добраться до ближняго мѣстечка мы не успѣли и должны были остановиться въ *зимовьѣ*. Это была простая низенькая, душная хата, какъ разъ на половинѣ дороги въ Петропавловску. Громадное семейство крестьянина не помѣшало намъ пріютиться въ одномъ углу, гдѣ мы, не смотря на душную атмосферу, крикъ и плачъ дѣтей и присутствіе всевозможныхъ насѣкомыхъ, считали себя счастливейшими изъ смертныхъ.

На зарѣ взобрались мы снова на нашихъ лошадей и опять потянулася та-же тропинка съ такими-же мостами. Только за нѣсколько верстъ до Петропавловска дорога становится каменистѣй и слѣдовательно представляетъ больше возможности ѣхать быстро. Не доѣзжая до названнаго завода, съ высокаго холма представился намъ сѣрый громадный голый утесъ, на вершинѣ котораго бѣлѣло большое пятно снѣга. Легкое облачко, освѣщенное восходящимъ солнцемъ, покоилось на одномъ изъ его боковъ. Этотъ великанъ былъ *Денежкинъ* (или *Денишенинъ*) *Камень*.

6-е *Юля*. Наконецъ показался и самъ Петропавловскій заводъ (упраздненный въ настоящее время). Посреди большой площади возвышается большая бѣлая церковь; р. Вагранъ окаймляетъ мѣстечко съ двухъ сторонъ. Налѣво виднѣлась разрушенная плотина, гдѣ прежде стоялъ заводъ, а теперь вода съ страшнымъ ревомъ и пѣной падаетъ съ довольно большой высоты и представляетъ весьма красивый водопадъ. Домикъ завода низокъ, бревна стѣнъ почернѣли отъ времени.

Въ этомъ мѣстечкѣ мы не безъ труда достали верховыхъ лошадей и отправились еще сѣвернѣе—въ Всеволодо-благодатскъ (также упраздненный въ настоящее время заводъ) или Заозерскъ. Хотя дорога здѣсь идетъ также лѣсомъ, но отсутствіе большихъ болотъ на пути и, главное, отсутствіе мостовъ—позволило намъ къ вечеру прибыть на мѣсто. На небольшой полянѣ, посреди дремучаго лѣса, сгруппировано нѣсколько десятковъ почернѣвшихъ хижинъ; желтая деревянная церковь съ высокой колокольней стоитъ какъ-то въ сторонѣ отъ самаго селенія; на пустомъ мѣстѣ, именуемъ *площадью*, находится нѣсколько опустѣлыхъ, еще крѣпкихъ домовъ, служившихъ прежде помѣщеніемъ для конторъ и пр. Таковъ представился намъ Всеволодо-благодатскъ.

Здѣсь Денежннъ камень подвинулся къ намъ еще ближе во всемъ своемъ дикомъ величіи; плоская вершина его напоминала мнѣ отчасти Чатырь-Дагъ. Но глядя на нашего Уральскаго исполина не чувствуешь того удовольствія, какое овладѣваетъ путешественникомъ при видѣ Крымскихъ горъ. Сѣрый колоритъ, какой наброшенъ на всю окрестность, благодаря туманности воздуха, и однообразный тоже сѣрый цвѣтъ самой горы—скорѣе производитъ непріятное, давящее впечатлѣніе.

Надъ самымъ Всеволодо-благодатскомъ подымается островоконечная небольшая гора, которая вся покрыта елями и можжевельникомъ и извѣстна здѣсь подъ названіемъ—*сонки*. Съ вершины ея видны обширные озера, находящіеся въ пяти верстахъ отъ самаго мѣстечка.

У основанія горы намъ показали большую кучу гнилушекъ, которыя суть остатки отъ тѣхъ деревьевъ, которыя свалилъ еще Походяшинъ, готовясь строить какое-то зданіе.

Жители Всеволодо-благодатска увѣряли насъ, что разведеніе у нихъ какихъ-либо овощей немыслимо, такъ какъ даже *картофель* не вызрѣваетъ. Мнѣ кажется, что это совершенно невѣрно. Для того чтобы доказать справедливость моего мнѣнія, сдѣлаю небольшое отступленіе, указавши на слова нѣкоторыхъ путешественниковъ. Нельзя не согласиться, напримѣръ, съ предположеніемъ, высказаннымъ Гофманомъ:

«Пройденный нами край по обѣ стороны Уральскаго хребта, по крайней мѣрѣ въ своей южнѣйшей части, не смотря на суровый и сырой климатъ, могъ бы, по всей вѣроятности, гораздо больше служить хлѣбопашеству, нежели онъ служитъ нынѣ, ибо *вездѣ до 66° шир., гдѣ только приложено было малѣйшее попеченіе о земледѣліи, доходъ удовлетворяетъ большей части домашнихъ потребностей*, недостаетъ только надлежащей охоты къ этому занятію.

Торговля спекуляціи привлекли сюда чужеземцевъ въ то время, когда произведенія земледѣлія не составляли еще для туземцевъ необходимости. Поэтому, при водвореніи здѣсь, пришельцы брались преимущественно за тѣ ремесла, которыя непосредственно имъ представляли выгоды, привлекавшія ихъ сюда, и такимъ образомъ охота, рыбная ловля, разведеніе оленей и торговля съ своими барышами сдѣлались

главными источниками заработковъ и любимыми занятіями всѣхъ жителей Урала, и будутъ оставаться такими до тѣхъ поръ, пока будутъ выгоднѣе другихъ». ¹⁾

Кромѣ того, не желая утомлять читателей сносками на многихъ другихъ писателей, укажу только, что и Шренкъ въ описаніи своего путешествія упоминаетъ о разведеніи ячменя на берегахъ рѣки Пезы (впадающей въ р. Мезень) за 65° сѣв. ш.: «Проѣхавъ около 24 верстъ, мы прибыли къ мѣстечку Виругѣ, лежащему на правомъ берегу Пезы и обитаемому однимъ семействомъ; да и все-то оно состоитъ изъ одной жалкой лачужки съ пристроенной къ ней баней. Какой-то старикъ крестьянинъ, вмѣстѣ съ женою своею, ведетъ здѣсь пустынноческую жизнь, занимаясь разведеніемъ ячменя и стрѣляніемъ рябчиковъ. Они терпѣли сильный недостатокъ въ хлѣбѣ и потому, вкушая хлѣбъ, спеченный изъ соломы, невольно восхваляли Сибирь, на благословенныхъ поляхъ которой поспѣваютъ всѣ хлѣба». ²⁾

По описанію того-же путешественника, около самого города Мезени (лежащаго какъ извѣстно еще сѣвернѣе впаденія р. Пезы) разводятся также нѣкоторыя хлѣбныя растенія и можно встрѣтить пашни: «Къ южной сторонѣ города прилегаютъ пашни, которыя были всѣ незасѣяны, и на которыхъ нѣсколько женщинъ и дѣтей усердно трудились собирать корни *Chaerophyllum bulbosum*, едва показывающагося изъ земли. Корни эти назначались въ пищу для сбереженія драгоцѣннаго хлѣба. О томъ, какъ неудачны бывали жатвы мезенскихъ жителей, можно судить потому, что зерновые хлѣба въ нижнихъ широтахъ уже восемь лѣтъ сряду не доставляли изпакныхъ жатвъ, или-же давали самый худой урожай; Мезень-же составляетъ самый крайній сѣверный предѣлъ, гдѣ вообще еще занимаются земледѣльствомъ, хотя при настоящихъ обстоятельствахъ множество пашень, остававшихся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ необработаннымъ, покрылись уже дерномъ. Потому самому мезенское земледѣліе исключительно ограничивается заспѣвомъ небольшого количества ячменя. Рожь не сѣется, такъ какъ изъ многократныхъ опытовъ убѣдились, что она даетъ жатву только въ рѣдкіе благопріятные годы; конопля здѣсь также не воздѣлываютъ, ибо она даетъ слишкомъ короткіе стебли, сѣмяна-же никогда не созрѣваютъ. Такъ какъ воздѣлываніе ржи и конопли встрѣчается еще у Заозерья, то сѣверная ихъ граница лежитъ между этими обоими мѣстами, проходя почти подъ 65³/₄° широты, и совпадаетъ съ сѣвѣрною границею осины. Въ окрестностяхъ Мезени также дѣлались попытки къ разведенію льна но всегда неудачно. Точно также выше 65° широты нельзя съ выгодою разводить картофель. Въ нѣкоторые годы удается капуста, или, лучше сказать, она не замерзаетъ, хотя только уростаетъ въ листья, не образуя кочней. Единственные съ успѣхомъ разводимыя

¹⁾ Гофманъ. Сѣверный Уралъ стр. 203.

²⁾ Шренкъ. Путешествіе къ сѣверо-востоку Европейской Россіи. 1855 стр. 137.

овощи суть: *желтая рьпа*, которая по тому самому воздѣляется во множествѣ и употребляется въ пищу сырая и сушеная, а также *рьдька* и *мукъ*.¹⁾

Упомянув о стремленіи разводить картофель, Шренкъ прибавляетъ, что нѣкоторый странствующій искатель приключеній намѣревался развести это растеніе даже подъ 66¹/₂⁰ сѣв. шир., именно у Самоѣдской церкви на Неси, въ Канинской землѣ, съ условіемъ, чтобы тогдашній Архангельскій епископъ уплатилъ ему въ видѣ вознагражденія 300 р. с. Зимой пріѣхалъ епископъ узнать о результатѣ посѣва и плантаторъ представилъ ему блюдо картофеля, «который выдавалъ за плодъ своихъ стараній, но который въ сожалѣнію выросъ подъ болѣе благословеннымъ небомъ. Архимандритъ Веніаминъ, тогда сопровождавшій епископа, замѣтилъ, что это былъ самый дорогой картофель, который онъ когда-либо вкушалъ, такъ какъ блюдо его обошлось въ 300 руб.»

Всего вышесказаннаго, мнѣ кажется, совершенно достаточно для того, чтобы доказать ложность воззрѣній жителей Всеволодоблагодатска, о невозможности заниматься съ успѣхомъ хлѣбопашествомъ. Припомнивши, что Всеволодоблагодатскъ лежитъ нѣсколько южнѣе 61⁰ сѣв. шир., можно почти съ увѣренностью сказать, что тѣ овощи, которые разводятся съ трудомъ около г. Мезени, т. е. за 65⁰ ш.—будутъ расти здѣсь если не съ успѣхомъ, то по крайней мѣрѣ станутъ удовлетворять насущнымъ потребностямъ жителей.

Все населеніе этого мѣстечка исключительно состоитъ изъ охотниковъ, промысляющихъ по большей части медвѣжьей охотой и питаемыхъ мясомъ лося. На мелкую дичь, т. е. на тетеревовъ, куропатокъ, рябчиковъ и прочую мелюзгу—не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, потому что цѣна за убитую птицу гораздо меньше цѣны выстрѣла, такъ какъ порохъ достать довольно трудно. Понятно, что увлекаясь своимъ промысломъ, привывши бродить съ собакой и ружьемъ по дремучимъ лѣсамъ, окружающимъ Всеволодоблагодатскъ,—охотникъ съ неудовольствіемъ берется за обработку самаго небольшого клочка земли; онъ съ большей готовностью купитъ муку, пшено и т. п. у проживающихъ здѣсь золотопромышленниковъ, даже заплатитъ гораздо дороже, чѣмъ слѣдовало,—вмѣсто того чтобы приложить нѣкоторое усиліе, вооружиться терпѣніемъ и довести свое хозяйство до мало-мальски сноснаго состоянія.

Лѣтомъ все мѣстечко какъ-бы затянуто легкимъ туманомъ, повсюду пахнетъ гарью. Причина этому заключается въ слѣдующемъ: въ каждомъ дворѣ, по срединѣ, стоитъ большой чугунный котелъ, наполненный курящимся навозомъ, гнилушками и щепками; огонь поддерживается и день и ночь. Около этого благодѣтельнаго, ѣдкаго дыма группируются лошади, коровы и собаки, спасаясь отъ тучи комаровъ. Въ сѣ-

¹⁾ Л. с. стр. 117. Кромѣ того см. *Миддендорфъ*. Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири. (Ч. 1 отд. IV стр. 663 и слѣд.) и мног. др.

няхъ избы находится точно такой-же котелокъ; дымъ проникаетъ въ самую избу и, хотя рѣжетъ глаза, но все-таки умирятъ хоть нѣсколько бровожадныхъ несносныхъ непріятелей. Благодаря этимъ «бурящимся котелкамъ» весь Всеволодоблагодатскъ окутанъ синѣватымъ дымомъ, такъ что о чистомъ воздухѣ нѣтъ и помину, хотя жители и не замѣчаютъ этого. Вообще тамошніе туземцы крайне ограничены въ своихъ потребностяхъ. Имъ совершенно достаточно той небольшой платы, которую они выручаютъ за медвѣжью шкуру; лѣтомъ работаютъ на золотомъ прискѣ *Орховскъ*, находящемся въ четырехъ верстахъ отъ селенія, и по праздникамъ, послѣ обѣдни, напиваются сивухой. Впрочемъ, передъ праздникомъ почти каждый изъ членовъ семейства отправляется въ баню. Бани эти имѣются при каждой почти избѣ, и состоятъ изъ низкаго, маленькаго сруба безъ оконъ, завопченнаго до высшей степени. Вотъ въ краткихъ чертахъ препровожденіе времени жителей Всеволодоблагодатска. Подъ это описаніе можно подвести и обитателей Петропавловска и даже самаго сѣвернаго селенія—Никито-Ивдия.

Во всѣхъ этихъ мѣстечкахъ, можно замѣтить господствующій классъ—купцовъ-золотопромышленниковъ, держащихъ всю торговлю въ своихъ рукахъ, и классъ работающих изъ-за насущнаго куска хлѣба, куда относятся всѣ не занимающіеся охотой. Всѣ съѣстные припасы находятся въ рукахъ у купцовъ, прінски арендуются также ими—слѣдовательно каждый рабочій долженъ соглашаться на тѣ условія, которыя предложитъ имъ арендаторъ. Конечно, какъ и слѣдуетъ ожидать,—эксплуатація процвѣтаетъ въ высшей степени, потому что поденщикамъ дѣваться некуда. Впрочемъ онъ успокоиваетъ себя тою мыслію, что «ничего не подѣлаешь! одно слово: сила!.. жаловаться некому—до Бога высоко, а до Царя далеко!». На этомъ и оканчивается всякое поползновеніе къ протесту.

Не смотря на то, что въ Богословскѣ намъ предсказывали, что пробраться на какую нибудь изъ болѣе замѣчательныхъ горъ будетъ невозможно, я попробовалъ распросить жителей, не найдется-ли кто нибудь изъ нихъ желающій провести меня на Денежкинъ камень. Мнѣ указали на одного охотника *Ивана Королева*, который только одинъ знаетъ туда дорогу, такъ какъ постоянно отправляется въ подошвы горы «добывать медвѣдя или сахатаго». Наконецъ мнѣ удалось увидѣть и самаго Ивана, взявшагося съ большимъ удовольствіемъ отправиться со мной, за самую небольшую плату. Оказалось, что онъ очень хорошо помнитъ путешественника Регули и знаетъ всѣ тропинки какъ свои пять пальцевъ. Мало того, онъ брался даже провести насъ на обратномъ пути черезъ Уральскій хребетъ на Вишеру и проводить до Чердыни. Къ сожалѣнію на это мы не могли согласиться, не смотря на все мое желаніе, такъ какъ всѣ вещи оставались въ Турьинскихъ рудникахъ, и посылать за ними по такой дорогѣ было-бы крайне неудобно и дорого.

Итакъ надо было ограничиться походомъ на Денежнѣнъ Камень. Хотя до вершины его было не менѣе 35 верстъ, по словамъ Королева, но ѣхать здѣсь не было никакой возможности и надо было согласиться идти пѣшкомъ.

Мы приготовили сухарей, наняли трехъ охотниковъ, чтобы они могли нести все нужное для такого путешествія. Кромѣ того у каждаго изъ нашихъ спутниковъ были ружья, охотничьи ножи и собака, привыкшая ходить на медвѣдя.

Рано утромъ 8-го Іюля выступили мы изъ Всеволодоблагодатска, по направленію къ синѣющему вдали Денежнѣну камню. Погода была хорошая и наши проводники, привычные къ лѣснымъ тропинкамъ шли такъ скоро, что мы едва поспѣвали за ними. Особенно поражалъ насъ одинъ молодой охотникъ, который не смотря на то, что на него былъ навьюченъ почти весь нашъ багажъ, — шелъ совершенно свободно, и только изрѣдка отдувался.

Для переноски тяжестей, у уральскихъ охотниковъ употребляется нѣчто похожее на солдатскій ранецъ. Это есть ничто иное какъ рамка, сдѣланная изъ гибкихъ сучьевъ, на которую натягиваютъ березовую кору; по угламъ рама снабжена ушками, для прикрѣпленія ремней. Все что требуется въ дорогѣ: сухари, мука, соль и пр., все это привязывается веревками къ этому снаряду и потомъ надѣвается на спину. Такой ранецъ — называется на Уралѣ — *кришня*.

Тропинка, по которой мы шли, была именно дорога, ведущая черезъ Уральскій хребетъ на р. Впперу, и называется Чердынскою тропинкою. По ней постоянно ходятъ жители Всеволодоблагодатска и Чердыни. Говорятъ что въ сухое время можно даже проѣхать верхомъ, но въ этомъ можно сомнѣваться на томъ основаніи, что мосты, черезъ нѣкоторые ручьи и болота, до того разрушены, что иногда встрѣчаются только продольныя три бревна, о поперечныхъ нѣтъ и помину; при этомъ приходится идти весьма осторожно, соблюдая самое строгое равновѣсіе, потому что при малѣйшемъ невѣрномъ шагѣ можно или окунуться въ воду или же исчезнуть въ болотѣ. Конечно, нечего и думать провести лошадь по одному бревнышку!

Мы миновали Орѣховскіе золотые пріиски и углубились далѣе въ лѣсъ. Дорога становилась все хуже и хуже: приходилось идти по такимъ кочкамъ и пролѣзать между кустарниками, что скоро силы начали насъ оставлять. Пройдя нѣсколько верстъ, мы попали «изъ огня въ поломя» — на нѣсколько верстъ потянулось болото, въ которое безъ всякаго порядка, точно нарочно навалены были деревья и пни. По причинѣ дождей, которые и здѣсь лили по нѣскольку дней сряду не переставая, болото стало необыкновенно жидко, и наши ноги тонули на каждомъ шагѣ; надо было попадать на корни деревьевъ, или же на пни иначе приходилось съ трудомъ вылѣзать изъ вязкой тины. Такимъ-то образомъ двигаясь медленно впередъ, всѣ

мокрые и измученные вышли мы наконецъ снова на тропинку, которая вывела насъ къ такъ называемому *Фролову побоищу* (или на туземномъ нарѣчїи *Хролкино побоище*).

Фролка или *Хролка* до сихъ поръ живетъ въ памяти народа. Это былъ простой работникъ, помѣщичій крестьянинъ, который съ нѣсколькими товарищами бѣжалъ отъ жестокостей своихъ господъ. За ними была послана погоня, и въ лѣсу, по дорогѣ къ Денежкину камню цѣлая толпа вооруженныхъ людей, окружила бѣглецовъ. Фролкѣ оставалось защищаться и умереть, или же идти снова въ рабство; онъ и его товарищи конечно рѣшились на первое. Одинъ за другимъ падали бѣглецы подъ пулями и ударами, только Фролка успѣлъ уйти какимъ-то образомъ. Тридцать ранъ было ему нанесено холоднымъ оружіемъ, пуля-же—«ни одна не взяла».

Съ тѣхъ поръ мѣсто сраженія носитъ названіе *Хролкино побоище*.

Выбравши мѣстечко посуше мы, остановились немного отдохнуть. Но тутъ напали на насъ комары съ такимъ ожесточеніемъ, что необходимо было развести большой костеръ, отъ дыма котораго наши крылатые враги нѣсколько удалились. Съ такими роздыхами подвигались мы впередъ и къ вечеру остановились у *полатей*, заготовленныхъ охотниками для всѣхъ, бродящихъ по этимъ мѣстамъ. Полатей устраиваютъ обыкновенно для ночлега, такъ какъ безъ нихъ пожалуй весьма трудно провести ночь. Обыкновенно выбираютъ четыре дерева, расположенныхъ одно отъ другаго въ видѣ четырехъ-угольника; къ нимъ прикрѣпляются горизонтально четыре длинныхъ жерди, аршина на два отъ поверхности земли. Поверхъ жердей лежатъ параллельно длинныя негостыя бревна и образуютъ такимъ образомъ родъ помоста.

Когда останавливаются ночевать, то обыкновенно сдираютъ съ близстоящихъ березъ кору большими лоскутьями, которые и кладутся на помостъ одинъ около другаго. На такую импровизированную постель влѣзаютъ желающіе, а подъ помостомъ разводятъ костеръ. Дымъ подымается густымъ столбомъ, проходитъ между жердями, кусками березовой коры и окружаетъ лежащихъ непроницаемымъ облакомъ.

Мы положительно задыхались на такихъ полатяхъ, а между тѣмъ безъ дыма невозможно бы было ни ѣсть, ни уснуть. Буквально сквозь слезы должны мы были пить чай и ужинать, и время отъ времени соскакивали подышать чистымъ воздухомъ.

Проводники наши развели огромные костры, и, укутавшись въ полушубки, тотчасъ же уснули, вмѣстѣ съ своими собаками. Только мы нѣкоторое время никакъ не могли привыкнуть къ дыму, но усталость превозмогла и мы погрузились также въ сонъ.

(9-е *Юля*). На другой день съ восходомъ солнца мы двинулись снова въ путь. Чердынская тропинка, по которой мы шли, пересѣкала въ нѣсколькихъ мѣстахъ горную рѣчку *Шаргъ*, которая бурливо текла по каменистому дну. Все русло было загромождено громадными камнями. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка становилась

глубже и въ бродъ переходить ее было нельзя, устроены переправы такого рода: срублено одно дерево такимъ образомъ, что вершина его упала на одинъ берегъ, а корень—на другомъ, и по этому дереву слѣдовало переходить, балансируя какъ на канатѣ. Къ несчастію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревья, служація мостомъ, потеряли уже отъ времени свою кору, древесина была обнажена, и во время утренней росы становилась то такой степени скользкою, что переправа по нимъ была крайне опасна. Наконецъ проводникъ сказалъ намъ, что мы свернемъ съ тропинки и начнемъ *аздыматься* на Камень¹⁾. Такъ какъ съ этого мѣста дѣйствительно почва начала подыматься, то я и справился съ анерондомъ, чтобы потомъ сравнить его показанія на самой вершинѣ Денежкина камня. Мы вошли въ такую часть лѣса, которая изрѣдка посѣщается охотниками, и по которой проходили Бегеръ и Гофманъ²⁾. Дѣйствительно чаща была дѣвственна!.. Громадныя сосны, ель, кедръ и береза тѣсно стояли другъ около друга. Много старыхъ стволовъ лежало и гнило, никому ненужные... Часто на стволахъ деревьевъ замѣчалось по нѣсколько паралельныхъ глубокихъ бороздъ, проведенныхъ точно ножомъ. Проводникъ нашъ объяснялъ намъ, что это *медведь силу пробуетъ, такъ когтями деретъ*. По вышинѣ на которой находились эти борозды, можно было судить о громадномъ ростѣ животнаго. Иногда попадались слѣды лося. Съ дерева на дерево перепрыгивали бурундуки и бѣлки..... Только теперь увидѣли мы, что дорога до сихъ поръ была сносною. На каждомъ шагу приходилось перелѣзать черезъ валяющіяся деревья, перескакивать съ одного пня на другой, укрываться отъ вѣтвей, которыя хлестали по глазамъ и отмахиваться отъ докучливыхъ комаровъ, которые цѣлыми тучами слѣдовали за каждымъ изъ насъ. Трудно было успѣвать во всемъ: заглядишься-ли на что нибудь, или не заметишь подъ ноги, и тотчасъ зацѣпишься за корень и полетишь на землю; смотришь-ли внимательно внизъ и выбираешь гдѣ-бы ступить, гибкая вѣтка, усаженная хвоею, хлещетъ по лицу... Мы удивлялись какъ ловко зналъ нашъ проводникъ дорогу. Какой нибудь пенъ или дерево были ему примѣтой при поворотахъ, и онъ шелъ также увѣренно какъ по улицѣ. Трудность и непріятность подобнаго пути увеличивалась еще потому что лѣсъ, по которому мы шли, выгорѣлъ въ 40-хъ годахъ и представлялъ собою нагроможденные, обгорѣлые стволы. Только изрѣдка можно было видѣть зеленныя рощицы, выросшія на пеплѣ своихъ предшественниковъ, кусты недозрѣлой малины, встрѣчались постоянно. На землѣ попадались печерицы (*Agaricus campestris*), которыя охотники называли *биршедь*. Гофманъ замѣтилъ, что на Уралѣ «малина—первый кустарникъ, который вырастаетъ на такъ называемыхъ «гарникахъ»³⁾. За нею слѣдуетъ рябина, ольха, бе-

¹⁾ Т. е. подыматься на Камень.

²⁾ Гофманъ весьма кратко, въ нѣсколькихъ строчкахъ описываетъ свое восхождение на Денежкинъ камень. Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой. Т. II. стр. 196.

³⁾ Т. е. на мѣстѣ выгорѣвшаго лѣса. Гофманъ, Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой. Т. II. стр. 195.

реза и другія листовныя породы; когда они оживятъ почву, тогда только появятся сосны и другія хвойныя деревья». (Это правило можно было отлично наблюдать въ горѣлыхъ лѣсахъ Урала). Двигаясь постепенно впередъ, мы видѣли, что лѣсъ представлялся выгорѣвшимъ все больше, такъ что наконецъ вся возвышенность, поднимающаяся передъ нами, была усѣяна черными «головѣшками» и только кое-гдѣ неуклюжо торчала потемнѣвшая листовница. На мертвыхъ сучьяхъ висѣли длинныя нити бородатаго лишайника (*Usnea barbata*). Если-бъ не кусты малины, да нѣсколько молоденькихъ березъ и кедровъ, тѣснившихся около р. Шарпа, — нельзя бы было и подумать, что находишься въ дѣвственномъ лѣсу.

Теперь глазъ могъ видѣть на довольно большое разстояніе: позади насъ весь покрытый синимъ лѣсомъ возвышался *Журавлевъ камень*, кругомъ-же насъ тѣснились одинъ выше другаго отроги Денежкина камня и выше всѣхъ, какъ бы колоссальною пирамидой темнѣла его высочайшая вершина. На сѣверной ея части большимъ бѣлымъ пятномъ видѣлся снѣгъ.

Отсюда можно было ясно видѣть границу распространенія лѣса; за этой чертой подымались однѣ голыя сѣрыя скалы. Что особенно бросалось въ глаза, такъ это то, что сосна, встрѣчающаяся ниже въ большомъ количествѣ, — здѣсь совершенно почти исчезала. Этимъ подтверждается мнѣніе Гофмана, что «подъ 60° показывается, перемежанный съ листовнымъ, хвойный лѣсъ, въ которомъ *сосна* растетъ еще густо на гребнѣ хребта, высотой въ 2000 футовъ, и исчезаетъ на *Денишкиномъ камнѣ на высотѣ 2500 футовъ*».¹⁾

Взобравшись до границы лѣсовъ, мы должны были остановиться на ночлегъ, такъ какъ дальше не было-бы дровъ для костра. Начинало уже темнѣть, когда мы оставили подъ собою лѣса и могли видѣть почти все теченіе р. Шарпа, которая низвергалась около насъ сильнымъ каскадомъ. Вся поверхность горы состояла изъ большихъ камней, покрытыхъ толстымъ слоемъ мха и лишайниковъ, что представляло нѣкоторое удобство для ночлега, такъ какъ полатей сдѣлать было нельзя. Со всѣхъ сторонъ мы зажгли костры и помѣстились сами въ центрѣ круга, для того чтобы насъ охватывалъ дымъ и прогонялъ комаровъ, которые и здѣсь не оставляли насъ, хотя ихъ было сравнительно меньше.

Въ долинахъ ступился туманъ, сдѣлалось холодно, термометръ показывалъ +11° R. Закутавшись кто во что могъ, улеглись мы на мягкій мохъ, между камнями, но не надолго: тяжестью тѣла выдавливалась изъ-подъ мха, холодная вода, скрытая подъ камнями, и которою были насыщены всѣ растенія. Надо было перемежить мѣсто, для того чтобы снова оставить его черезъ нѣсколько времени. и т. д.

10 Июля. Еще не вставало солнце, когда мы выступили по направленію къ вершинѣ. Верхушка Денежкина камня уже свѣтилась, въ долинахъ еще стоялъ сумракъ. На востокѣ громоздились облака.

¹⁾ Гофманъ L. с. стр. 201.

Чѣмъ выше подымались мы, тѣмъ суше становилась гора, такъ что исключая бурливаго Шарпа не видно было ни одного ручья. Теперь вся гора состояла изъ отдѣльныхъ камней, которыхъ величина достигала иногда до сажени, нагроможденныхъ одинъ на другой. Надо было карабкаться осторожно, такъ какъ поверхность этихъ глыбъ была скользка отъ росы. Мы оставили все, что имѣли съ собой тяжелато и миновавши отверстіе между камнями, изъ котораго съ шумомъ выливается Шарпъ.—отправились дальше.

По всему склону потянулась широкая полоса, состоящая изъ болѣе мелкихъ камней; эта полоса составляла точно природную дорогу, и вѣроятно произошла отъ наносовъ во время таянія снѣговъ. Въ одномъ мѣстѣ, не доходя до вершины трехъ верстъ, намъ представилось слѣдующее явленіе: передъ нами явились какъ-бы два гигантскихъ забора, состоящихъ изъ наваленныхъ одинъ на другой исполинскихъ камней. Между ними шель узкій проходъ, въ которому вела вышеупомянутая дорога, усыпанная мелкими круглыми глыбами, такъ что представляла какъ-бы естественное шоссе. Шоссе это проходить черезъ природные ворота, спускается по другую сторону горы и исчезаетъ въ глубокой пропасти.

Пока мы любовались этимъ видомъ, на вершину налетѣло облако. Проводникъ торопилъ насъ и со страхомъ поглядывалъ по сторонамъ. Подымался вѣтеръ, съ долинъ поднялся туманъ; облака чаще и чаще пролетали надъ нашими головами, и иногда охватывали насъ влажнымъ туманомъ. Наконецъ мы начали подыматься на самую вершину. Здѣсь камни становились все больше и больше, взбираться на нихъ было очень трудно; мы цѣплялись и руками и ногами. Часто изъ подъ ногъ вырывалась громадная глыба и съ грохотомъ прыгала съ уступа на уступъ пока не исчезала въ пропасти. Надо было осторожно осматривать каждый камень, прежде чѣмъ ступить на него. Кромѣ того между этими громадными обломками находились большія разсѣлины, трещины, въ которыя весьма легко можно было попасть.—тогда конечно выбраться оттуда было бы невозможно; при неосторожномъ шагѣ угрожала опасность сломить себѣ ногу.

Въ слѣдствіе всего этого взбираться мы могли только весьма медленно. Къ тому же жажда начала мучить насъ, и мы съ восторгомъ бросились къ холодному роднику, который струился недалеко отъ вершины.

Наконецъ въ 10 часовъ утра я взомелъ на самую высшую точку вершины Денежкина камня ¹⁾. Термометръ упалъ до $+8^{\circ}$ R. Сильный порывистый вѣтеръ нагонялъ облака, которыя по временамъ закрывали отъ насъ всю мѣстность. На сѣверо-востокъ тянулся Уралъ, на бокахъ горъ виднѣлись поля снѣга ослѣпительной бѣлизны, на горизонтѣ рѣзко обозначалась трехъ-главая скала, которую проводникъ называлъ Чуваль-

¹⁾ По Гофману высота Денежкина камня 5,027 ф. англ. надъ поверхностью моря; по тригонометрическими и нивелирными Оедороса, онъ достигаетъ 3,284 англ. ф. надъ р. Турьей.

скій камень, и прибавилъ, что всѣ горы налѣво отъ нея или находятся около Вишеры, или же у истоковъ Печоры. Журавлевъ камень показался намъ небольшою горкой.

На Востокъ растилалась безпредѣльная плоская возвышенность, которая сливается съ Тобольскою губерніей. Ближе видѣлись озера, находящіеся около Всеволодоблагodatска; его же самаго нельзя было различать за туманомъ. Южнѣе темнѣлъ въ видѣ какого-то пятнышка Петропавловскій заводъ. На всемъ пространствѣ, какое только могъ окинуть взглядъ извивались серебрянныя ниточки рѣчекъ, между которыми намъ указали и Шарпъ и Шевельтанъ.

Такъ какъ цѣль нашего похода была достигнута, то охотники не преминули дать залпъ изъ своихъ ружей. Громкимъ грохотомъ прокатилось эхо въ долинахъ, потомъ стихло и наконецъ снова начало приближаться съ совершенно противоположной стороны. Подобнаго эхо я никогда не слыхалъ.

По бокамъ главной вершины Денежкина Камня находятся въ нѣкоторомъ разстояніи, отдѣленные глубокими пропастями,—двѣ другія его вершины, которыя сильно уступаютъ ему въ вышинѣ и состоятъ точно также изъ отдѣльныхъ камней.

Что касается до распредѣленія растений на горѣ, то къ сожалѣнію я не могъ придти ни къ какимъ результатамъ. Такъ напр. почти у самой вершины на листьяхъ куста *Salix* я нашелъ грибы (изъ гр. *Uredineae*), которые попадаютъ и въ долинахъ; тутъ-же цвѣла желтая фіалка и распускался *Ranunculus*. Удивительно, какъ это Бегеръ во время своего восхожденія на Денежкннъ камень не видѣлъ растительности. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ: «однажды мы ночевали подъ утесомъ, почти на самой вершинѣ горы Денежкина камня, въ 150 верстахъ въ сѣверу отъ Богословскихъ заводовъ По утру, съ восходомъ солнца, поднявшіеся съ окружающихъ болотъ испаренія составили густой туманъ, покрывшій окрестныя лѣса на все видимое пространство, и такимъ образомъ мы увидѣли себя выше облаковъ, на голой скалѣ, *гдѣ не было ни одной травки, ни одного куста*, могущихъ намъ напомнить, что мы не вовсе отдѣлены отъ земнаго шара». ¹⁾ Я утверждаю, что растительность встрѣчается до самой вершины, хотя исключительно состоятъ изъ лишайниковъ мховъ и травъ. Древесныхъ растений, выше границы лѣсовъ исключая низкорослаго вида *Salix*,—не попадаетъ.

Замѣчательно, что видъ Урала, даже съ этой высочайшей точки, не производитъ никакаго пріятнаго впечатлѣнія, что испытали также какъ Гофманъ, такъ и Бегеръ. Послѣдній въ той-же статьѣ говоритъ: «Удивительно, что здѣсь человѣкъ вовсе нерасположенъ къ восторгу,—напротивъ какое-то совершенно противное, похожее на уныніе чувство наполняетъ душу и сердце»²⁾.

Между тѣмъ на восточной сторонѣ показалась синяя туча, которая росла все больше и больше; послышался громъ и заблестала молнія. Проводникъ нашъ на-

¹⁾ Ф. Бегеръ. Геогностическія записки о горахъ Уральскихъ Горъ. Журн. 1826 г. № 6. стр. 6.

²⁾ Тамъ же.

чалъ настоятельно требовать, чтобы мы начали спускаться, такъ какъ онъ боится что *мороза насъ затрутъ*, (т. е. облака затрутъ); при этомъ намъ было рассказано, что вообще въ пасмурное время на Денежкинѣ Камнѣ опасно ходить, потому что облака такъ сильно сгущаются, что весьма легко оборваться въ пропасть. Намъ указали также на случай такого рода, что одинъ охотникъ—нѣмецъ не послушалъ благихъ совѣтовъ и съ своей собакой отправился черезъ Камень на охоту въ то время, какъ вся гора закутана была облаками. Черезъ годъ потомъ одинъ крестьянинъ нашелъ трупъ нѣмца и собаки въ глухомъ непроходимомъ мѣстѣ. Вѣроятно онъ сбился съ дороги и умеръ отъ голода.

Мы двинулись въ обратный путь. Но спускаться оказалось еще труднѣе и утомительнѣе. Едва мы вернулись къ природнымъ воротамъ, какъ облака окончательно закутали вершину, и начался мелкій, назойливый дождь. Мы нашли свои вещи и черезъ нѣсколько часовъ снова вошли въ лѣсъ. Но дождь не переставалъ. Напротивъ онъ полилъ, какъ изъ ведра, и въ полъ часа промочилъ насъ до нитки. Обсушиться было негдѣ. Достигнувши полатей на Чердынской тропѣ необходимо было лечь мокрыми на ночлегъ. Нельзя сказать, чтобы было особенно пріятно мокнуть съ одной стороны, въ то время, какъ съ низу до такой степени нагрѣвалась кора отъ разложеннаго костра,—что становилось горячо лежать! И въ это самое время надъ ухомъ раздавалось неотвязное пѣніе комаровъ!..

(11 Июля). На другой день снова было пасмурно, снова шелъ дождь! Болота еще болѣе размокли. Мы не высыхали въ продолженіи цѣлаго дня и съ особеннымъ удовольствіемъ вышли на пробитую тропинку, которая обозначала близость Всеволодоблагodatска. На радостяхъ наши охотники убили даже нѣсколько тетеревовъ, куропатокъ и рябчиковъ, которые попеременно попадались на глаза и на которыхъ прежде не обращали вниманія.

Считаю не лишнимъ помѣстить замѣчаніе здѣшнихъ охотниковъ, которое распространено, какъ кажется, довольно сильно между обитателями Уральскихъ лѣсовъ. Между ними существуетъ убѣжденіе, что весною, когда тетерева *токуютъ*, то, какъ всѣмъ извѣстно, самцы начинаютъ свою утомительную пляску передъ стадомъ самокъ, стараясь перещеголять другъ друга выдѣлываніемъ самыхъ удивительныхъ антраша. Пляску эту, по увѣреніямъ Уральскихъ охотниковъ, самецъ продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ въ изнеможеніи не упадетъ на землю и пока изъ его полуоткрытаго клюва не начнетъ «бить пѣна». Эту то пѣну и глотаютъ самки и *только такимъ образомъ* оплодотворяются.

Не смотря на мое стараніе разубѣдить охотниковъ въ такомъ мнѣніи, они не только не уступали, но даже обижались, говоря, что имъ это извѣстно еще съ тѣхъ поръ, когда меня и на свѣтъ не было. Главный аргументъ, который они приводятъ, это то, что «сами-моль, своими глазами видѣли!»

Наконецъ показалось селеніе, и черезъ часъ мы могли отдохнуть и обсушиться.

Дорожка, ведущая отъ Всеволодоблагодатска къ самому сѣверному селенію Никито-Ивдилю—носить на себѣ характеръ въ высшей степени оригинальный.

Не говоря уже о высокыхъ деревьяхъ, обросшихъ лишайниками, вся поверхность земли покрыта, подобно зеленому ковру, сѣвернымъ растеніемъ *Linnaea borealis*, которое здѣсь развивается чрезвычайно роскошно; лиловые цвѣты *Asopitum parvum* высоко поднимались между кустарниками; *Rugosa* и множество разнообразныхъ мховъ виднѣлись тамъ и сямъ. Ёзда по лѣсу весьма затрудняется постоянно попадавшимися на пути сломанными громадными стволами сосенъ, кедровъ и елей. Тропинка чрезвычайно узка. На пути попалось намъ мѣсто, совершенно залитое водою и имѣющее въ ширину приблизительно обою двухъ верстъ. Изъ воды выставались только верхушки деревьевъ, кустарниковъ и обломковъ каменныхъ глыбъ; на поверхности этого озера большими массами плаваютъ *Potamogeton natans* и рѣдкія у насъ кувшинки *Nuphar biradiata*, между ними желтѣла *Nuphar pusillum*. Такъ какъ дороги въ сторону не было, то проводникъ поплылъ въ бродъ, а мы послѣдовали за нимъ. Не смотря на то, что было довольно глубоко и мы должны были предоставить себя на волю лошадей—этотъ переѣздъ совершился благополучно. Но едва проѣхали мы нѣсколько верстъ, какъ нашимъ глазамъ представилось громадное болото, черезъ которое тянулся безконечной лентой бревенчатый мостъ, подобный описаннымъ выше. Конечно ѣхать по немъ можно только шагомъ и то осторожно.

Болото это называется—*Семиверстное болото*, *Чистое болото* или просто *Тундра*. Поверхность его затянута толстымъ слоемъ мха и покрыта низкорослою, сѣверной березой (*Betula nana*); сосна и другія растенія не достигаютъ большихъ размѣровъ. Кое-гдѣ замѣтны небольшія пространства воды, населенныя громаднымъ количествомъ *Utricularia*.

Все время пока мы двигались медленно чрезъ семиверстный ужасный мостъ, шелъ мелкій дождь, сопровождаемый холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ; въ слѣдствіе этого поверхность бревенъ моста сдѣлалась чрезвычайно скользкой и лошади постоянно падали. Идти пѣшкомъ также было не совсѣмъ удобно, потому что бревна не плотно прикасались другъ къ другу и можно было очень легко нырнуть въ болото.

За тундрой мѣстность дѣлается снова лѣсной; попадаются на пути овраги и каменистыя возвышенности и наконецъ, подъ вечеръ 12 Іюля, съ высокой горы мы увидѣли Никито-Ивдиль или, какъ его называютъ, *Новое строеніе*, лежащее почти подъ 61° сѣв. шир.

(12 Іюля). На крутыхъ скалистыхъ берегахъ р. Івдила расположены правильными линіями домики весьма недурной архитектуры. (Есть даже и такіе, которые имѣютъ мезонины). Церковь хотя и деревянная, но довольно красивой архитектуры, величественно возвышается, окруженная новою рѣшеткою. Чрезъ рѣку, которая по обыкновенію сибирскихъ рѣкъ бурлитъ и мечется между камнями,—ходитъ постоянно небольшой паромъ. Вообще мѣстоположеніе селенія гораздо красивѣе

Всеволодоблагодатска. Горы, довершающія картину, покрыты дремучимъ лѣсомъ и кутались въ то время въ вечерній густой туманъ.

Насъ радушно приняли въ одномъ изъ домиковъ и узнавши, зачѣмъ мы приѣхали, сообщили, что нѣсколько дней тому назадъ сюда приплывали почти всѣ Лозвинскіе дикіе Вогулы за мукой, что здѣшній священникъ совершилъ даже бракосочетаніе одной пары, которая, впрочемъ, жила уже вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ и имѣла дѣтей. Таковъ уже обычай. Живутъ вмѣстѣ, узнаютъ другъ друга и потомъ, если къ тому представится удобный случай,—вѣнчаются; если-же характеры не сошлись, то одинъ идетъ—на право, другой—на лѣво и дѣлу конецъ.

Мы очень сожалѣли, что упустили такой прекрасный случай познакомиться съ дикими племенами, но тотъ же случай насъ выручилъ: мы узнали, что всѣ бывшіе здѣсь Вогулы отправились на берега Лозвы къ одному кушцу, который наваялъ ихъ убрать свой сѣнокосъ. Такимъ образомъ намъ надо было еще подвинуться сѣвернѣе, пробраться къ этому кушцу, на его золотые прінсеп, и оттуда съ его помощью посѣтить берега Лозвы. Кромѣ того мы хотѣли спуститься по Лозвѣ, осмотрѣть нѣсколько юртъ, составляющихъ деревню *Першины*, и наконецъ вернуться снова въ Пвдиль.

Собравши всѣ свѣдѣнія о томъ, какъ найти золотые прінсеп кушца Ш,—мы пустились дальше. Но если дорога, лежащая между *селеніями*, казалась намъ неудобною, то какова-же должна была быть тропинка, по которой ѣздить только хозяинъ прінсковъ и его рабочіе! однимъ словомъ этой дороги нельзя назвать даже и тропинкой, и сбиться съ нея очень легко. Какъ-бы тамъ ни было, но мы самымъ благополучнымъ образомъ добрались до прінсковъ. Замѣчу, что проѣзжая небольшую р. Малиновку и замѣтивъ довольно большое пространство на берегу поросшее крапивой, я остановился, чтобы нарвать нѣсколько экземпляровъ этого растенія. Каково-же было мое удивленіе, когда я могъ дотрогиваться до стеблей и листьевъ совершенно безнаказанно, не получая всѣмъ знакомаго *ожога*. Отчего зависить это—сказать пока не берусь, потому что я не имѣлъ возможности изслѣдовать растенія въ свѣжемъ состояніи; замѣчу только одно, что волоски крапивы отличались этимъ свойствомъ на экземплярахъ всѣхъ возрастовъ и слѣдовательно нежгучесть здѣсь необусловливалась возрастомъ растенія. Ужъ не зависить-ли это отъ болѣе холоднаго климата?

Наконецъ мы достигли прінсковъ кушца Ш. Подѣзжая къ небольшой избушкѣ, въ которой живетъ хозяинъ, вниманіе мое было привлечено низенькимъ, сутуловатымъ человѣчкомъ, который рубилъ что-то топоромъ. При нашемъ приближеніи онъ поднялъ голову. Широкое, потное лицо, выдавшіеся скулы, узкіе подслѣпчатые глаза, большой ротъ и покатый узкій лобъ—указывали на то, что это долженъ былъ быть одинъ изъ спибрскихъ или, вообще, сѣверныхъ племени. Одежда его была грязна и бѣдна: какой-то изодранный, коротенькій кафтанъ, кожаные *бродни* на ногахъ и неопредѣленнаго цвѣта платокъ на шеѣ—безъ всякаго

порядка и неряшливо болтались на худомъ, но крѣпкомъ тѣлѣ. Конечно мы сразу догадались, что имѣемъ дѣло съ Вогуломъ, который весьма долго дичился насъ и шопотомъ спрашивалъ у купца, что мы за люди? зачѣмъ пріѣхали и почему такъ пристально на него смотримъ? но нѣсколько рюмокъ водки, поднесенныя нами, успокоили наконецъ Вогула; онъ пустился даже въ плясъ (если можно назвать кривлянье—пляской) и спѣлъ намъ на своемъ родномъ языкѣ какую-то пѣсню. Съ нами онъ объяснялся на ломаномъ русскомъ нарѣчій.

Купецъ III. былъ на столько любезенъ, что взялся самъ проводить насъ на берега Лозвы, гдѣ находился тогда весь таборъ Вогулъ, и мы скоро увидѣли широкую рѣку, берега которой покрыты густымъ строевымъ лѣсомъ. Тамъ, гдѣ берегъ былъ болѣе отлогъ, расположилось цѣлая толпа Вогуловъ. Лай собакъ, крики дѣтей и говоръ мужчинъ встрѣтили насъ когда мы подѣхали ближе. Мужчины одѣты были въ оленьи шкуры, женщины укрывались также какими-то лоскутками и остатками одежды и прятались въ шалаши, дѣти бѣгали или полунагіе, или совсѣмъ нагіе. Совсѣхъ сторонъ слышалось «паче! паче!» (здравствуй, здравствуй!) и дикари протягивали намъ руки. Отъ всѣхъ обитателей табора несло ужасною вонью, такъ что мы вынуждены были, безъ церемоній, затыкать себѣ носъ; руки, лице и грудь носили на себѣ столько грязи, что нельзя было различить цвѣта кожи.

Мы выбрали себѣ мѣстечко для того, чтобы разбить палатку, которою снабдилъ насъ любезный III., и отправились осматривать нашихъ новыхъ знакомыхъ.

Вогулы, между которыми мы теперь находились, какъ я уже говорилъ, большею частью роста средняго, крѣпкаго тѣлосложенія. Физіомія съ перваго же взгляда напоминаетъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ: узкій и косой разрѣзъ глазъ, приплюснутый небольшой носъ (иногда весьма неправильный), большія выдающіяся скулы и широкій ротъ съ узкими губами. Волосы на головѣ прямые, русые; на усахъ—рѣдкіе; бороды не носятъ и выщипываютъ съ большимъ тщаніемъ каждый появившійся волосокъ. ¹⁾ Обычай этотъ объясняютъ тѣмъ, что зимой, во время морозовъ, замерзшая борода причиняетъ имъ нѣкоторое безпокойство; но мнѣ кажется, сколько я могъ судить изъ разказовъ самихъ Вогулъ,—что это составляетъ нѣкотораго рода кокетство, которому не слѣдуютъ только самые отчаянные неряхи и пьяницы. Особенно бросается въ глаза также обычай мужчинъ заплетать свои волосы въ двѣ косы, перевивать ихъ кусочками цвѣтной матеріи, и такимъ образомъ, по головному убору вичѣмъ не отлчаться отъ женщинъ; изъ послѣднихъ мы видѣли, что только однѣ старухи совершенно не чешутъ голову и носятъ волосы въ страшномъ безпорядкѣ. Конечно, имѣя косы, Вогулъ позволяетъ себѣ еще менѣе заботиться о своей персонѣ и вѣроятно очень долго не обращаетъ никакого вниманія на такой коафюръ. Вообще нечистоплотность развита между ними до край-

¹⁾ Я представилъ на таблицѣ портреты двухъ Вогуловъ, болѣе типичныхъ, и одной дѣвушки 15 лѣтъ. Кромѣ того на одной изъ таблицъ изображаетъ мужчину во весь ростъ, чтобы показать лѣтній костюмъ.

нихъ предѣловъ! Въ маленькомъ шалашѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ воткнутыхъ кольевъ, на которыхъ въ видѣ навѣса набросана березовая кора, *тиски* (по вогу.) — помѣщается вся семья, со всѣми мѣшками, котлами, веслами и всякою хозяйственною мелочью. Тутъ же у входа лежатъ нѣсколько собакъ, которыя и составляютъ все богатство дикаго Вогула. Неподалеку отъ шалаша возвышается на довольно большомъ разстояніи отъ земли маленькая платформочка, изъ древесныхъ прутьевъ, на которой вялятся или сушится мясо, употребляемое въ пищу. Обыкновенно это есть лосина, изрѣзанная на большія куски и предоставленная дѣйствию солнечныхъ лучей. Отъ подобнаго способа приготовленія мясо распространяетъ на довольно большое разстояніе весьма непріятный гнилостный запахъ, привлекающій голодныхъ собакъ, отъ которыхъ только можетъ спасти вышина платформочки.

Тутъ-же, неподалеку сушится вытянутая на берегъ, узкая, чрезвычайно легкая лодка, выдолбленная изъ одного дерева. Весла, которыми управляютъ Вогулы, расширены у своего нижняго конца и мало по малу суживаются въ видѣ копья, такимъ образомъ наружный ихъ видъ сильно напоминаетъ весла дикарей Тихаго Океана.

Обыкновенно около лодки лежатъ *остроги*, которыми Вогулы очень ловко бьютъ крупную рыбу; это орудіе состоитъ изъ длинной палки, на нижній конецъ которой насаженъ трезубецъ.

Мѣшки, предназначенные для всякой мелочи и находящіеся внутри шалаша, сдѣланы весьма искусно изъ оленьей шкуры, причемъ обыкновенно располагаютъ кусочки различныхъ цвѣтовъ такъ, что выходитъ довольно оригинальные узоры.

Въ этихъ мѣшкахъ хранится муза, нити изъ оленьихъ жилъ и такъ называемые *рукотеры*, приготовляющіеся такимъ образомъ: зимой, въ большіе морозы, когда молодыя сосны, ели и кедры имѣютъ чрезвычайно твердую древесину,¹⁾ Вогулы нарѣзаютъ вѣтки и еще не успѣвшія оттаять палки стругаютъ острымъ, широкимъ ножомъ; древесина весьма легко разщепляется на очень тонкія ленточки, которыя потомъ вывариваются нѣкоторое время и замѣняютъ наши полотенцы. Если случается, что грязному Вогулу вздумается умыться, то онъ, плеснувши себѣ на лицо и руки нѣсколько разъ водою, вытирается деревяннымъ рукотеромъ; если необходимо вытереть котелъ, въ которомъ варится болтушка, то и здѣсь употребляется рукотеръ, и вообще говоря, эти мягкія стружки въ хозяйственномъ быту описываемыхъ инородцевъ крайне необходимы.

Какъ женщины, такъ и дѣти ходятъ въ однихъ рубашкахъ изъ оленьихъ шкуръ (*малица*²⁾) и не особенно заботятся о прикрытіи своей наготы, не смотря на громадное количество комаровъ. Однажды, проходя мимо одного шалаша, я услыхалъ сильный плачь ребенка; любопытствуя узнать причину, я заглянулъ подъ навѣсъ и увидѣлъ полунагую женщину, которая собиралась кормить маленькаго

¹⁾ Твердость эта зависитъ отъ промерзанія см. объ этомъ явленіи. Миддендорфъ Путеш. на Сѣв. и Вост. Сибири т. I. Вып. IV стр. 620.

²⁾ *Малица* по Гофману (у Остяковъ) Сѣвер. Ур. II стр. 106.

ребенка. Дитя было прикрыто однимъ небольшимъ кускомъ оленьей шкуры; ноги, руки и большая часть тѣла его были бузвально покрыты комарами... Я старался знаками показать матери на причину крика ребенка, но она тупо смотрѣла на меня и ровно ничего не понимала. Какъ я узналъ послѣ, ребенокъ только нѣсколько дней тому назадъ родился.

На женщинахъ и дѣтяхъ, кромѣ малицы, небыло никакой одежды. У нѣкоторыхъ дѣвушекъ мы видѣли серьги, а одна изъ нихъ упрашивала меня знаками подарить ей кольцо. Мужчины лѣтомъ носятъ или такія-же оленьи рубашки шерстью внутрь или же (молодые) холстяную бѣлую рубашку, узкіе брюки и на ногахъ вышеупомянутые *бродни*. На ногахъ пониже колѣна замѣчаются довольно широкія шерстяныя полоски, которыми они туго окрѣпляютъ брюки, и такимъ образомъ, не позволяютъ имъ заворачиваться вверхъ во время движеній.

Поверхъ рубашки надѣвается четырехъугольный кусокъ шерстяной матеріи, въ которомъ по срединѣ прорѣзано отверстіе, необходимое для прохода головы. Кусокъ, опускаясь на спину и грудь, предохраняетъ нѣсколько отъ холода.

Зимній костюмъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ одинаковъ. Кромѣ малицы, надѣвается другая рубашка изъ пушистой оленьей шерсти, шерстью наружу. Къ ней пришитъ родъ башлыка, охватывающій довольно плотно голову и украшенный по обѣимъ сторонамъ ушами какихъ нибудь мелкихъ животныхъ. Нижняя часть этой *общей* рубашки оторачивается для красоты длинною шерстью другого цвѣта (большею частью бѣлаго:) кусочки разныхъ цвѣтовъ пришиваются на рукавахъ и на подолѣ, размѣщенные въ видѣ различныхъ узоровъ.

Подъ капюшонъ надѣвается еще особая, отдѣльная шапочка изъ шкурки молодыхъ оленей, которая чрезвычайно грѣетъ голову.

На руки натягиваются рукавицы, а на ноги сапоги изъ оленьей-же шкуры, мѣхомъ наружу (даже и на подолвахъ), называемые *юнтами*. Весь костюмъ шитъ нитками изъ оленьихъ жилъ, весьма прочно.¹⁾ Такой костюмъ хорошей доброты стоитъ во время Ирбѣтской ярмарки отъ 15—25 руб. с. (конечно Вогулы дѣлаютъ ихъ сами, изъ кожъ своихъ же оленей).

Маленькихъ дѣтей помѣщаютъ въ люльки, которыя представляютъ собою узкія, длинныя коробки съ высокой спинкой на одномъ концѣ. Въ нее не кладутъ ребенка, а сажаютъ и привязываютъ веревкой. Мать обыкновенно не обращаетъ вниманія на крикъ дитяти и равнодушно покачиваетъ люльку, висящую въ шалашѣ на четырехъ бичевкахъ.

Вся пища Вогуловъ состоитъ исключительно изъ рыбы, мяса отъ дичи, которую они убиваютъ на охотѣ, и болтушки: въ кипящую воду бросаютъ нѣсколько

¹⁾ Приготовленіе нитокъ весьма просто: изъ мяса выдергиваются жилы, которыя раздѣляются на возможно тонкія волокна и сушатся на солнцѣ (Слѣди Гофманъ. Сѣв. Ур. II ст. 106).

муки, безъ соли, безъ всякой приправы—и кушанье готово. Вообще неупотребленіе соли рѣзко бросается въ глаза. Сваривши въ котлѣ болтушку и утоливши голодъ, туда-же наливаютъ какое нибудь пойло и кормятъ собакъ, потомъ, не вымывая, снова варятъ себѣ, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока грязи не накопится въ котлѣ столько, что кто нибудь не вымоетъ его. Кромѣ котла и корыта, сдѣланнаго изъ обрубка дерева, Вогулы (да и вообще жители на Уралѣ) весьма быстро сооружаютъ различныхъ размѣровъ *чуманы*. Для этого обыкновенно сдираютъ четырехъ угольный кусокъ березовой коры и складываютъ ее въ формѣ коробочки, загнывая углы, которые и привалываются небольшой заостренной палочкой. Мнѣ случалось видѣть даже нѣчто похожее на хлѣбъ: мукѣ, размѣшанной круто съ водой и образующей, такимъ образомъ, тѣсто, придаютъ форму небольшой дощечки, которую жарятъ на угляхъ, переворачивая съ одной стороны на другую. На вкусъ хлѣбъ этотъ представлялся чѣмъ-то прѣснымъ, отвратительнымъ.

Передъ шалашомъ постоянно горитъ костеръ, куда подбрасываютъ часто гнилую древесину ивы (*Salix*); эта древесина не горитъ, а тлѣетъ и распространяетъ сильный дымъ съ удупливымъ, невыносимымъ запахомъ. Отъ такого дыма, какъ увѣряютъ, комары оставляютъ въ покоѣ, хотя на нѣкоторое время, обитателей шалашей.

Вечеромъ, когда зажглись костры и Вогулы цѣлыми толпами двигались по всему табору, когда красный отблескъ огней отражался на широкихъ лицахъ и странныхъ фигурахъ, выглядывавшихъ изъ подъ навѣсовъ,—картина была дѣйствительно оригинальна. Прибавьте еще, что все это отражалось въ темной зеркальной поверхности Лозвы, а кругомъ охватывала черная, непроглядная ночь!

Чтобы въ нашей палаткѣ намъ было нѣсколько удобнѣе, Вогулы радушно предложили нѣсколько мягкихъ оленьихъ шкуръ, но къ счастію мы скоро замѣтили, что гостепріимные обладатели кожъ, какъ дѣти, такъ и взрослые, покрыты подзрительною сыпью. При внимательномъ осмотрѣ оказалось, что всѣ они были поражены *чесоткой*, вѣроятно въ слѣдствіе неопрятности; и въ самомъ дѣлѣ: малица носится до тѣхъ поръ, пока наконецъ на расползется на тѣлѣ, какъ же не появиться чесоткѣ? Такимъ образомъ оленьи шкуры были съ благодарностью возвращены.

Все время нашего пребыванія Вогулы тѣснились около насъ, осматривали каждую вещь, и удивлялись, когда я дѣлалъ изъ револьвера шесть выстрѣловъ безъ остановки. Появились на сцену кремневые ружья и охотники начали показывать свое искусство, но прежде, чѣмъ слѣдовалъ выстрѣлъ, большая часть ружьевъ дѣлали по крайней мѣрѣ по четыре осѣчки. Замки, ложе и стволы были до такой степени плохи, связаны веревками и мочалой,—что становилось страннымъ и непонятнымъ, какъ съ такимъ оружіемъ Вогулы идутъ на медвѣдя. Заряжая ружья, они употребляютъ, подобно всѣмъ Уральскимъ охотникамъ, вмѣсто пыжей—бородатый

лишайникъ (*Usnea barbata*), который называется здѣсь *кухой*. Конечно о мѣткости ихъ нечего и говорить—промахъ у нихъ немислимъ.

У насъ былъ небольшой запасъ спирта, которымъ мы угостили нашихъ новыхъ знакомыхъ, и замѣчательно, что очень многіе пили спиртъ чѣистымъ, не разбавляя его водой. Черезъ нѣсколько времени большинство Вогуловъ было пьяно, а у нѣкоторыхъ изо рта пошла отвратительная пѣна и языкъ отказывался дѣйствовать. До такой степени эти инородцы предаются пьянству!

Желая отплатить намъ чѣмъ нибудь за ихъ любимый напитокъ, Вогулы, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ между собой, отыскали свой чрезвычайно оригинальный инструментъ—*шангуръ*,¹⁾ и угостили насъ плясой и музыкой. Шангуръ есть небольшая коробка въ видѣ лодки; дно ея кругло, верхняя часть задрѣзана дѣкой, въ которой проверчено нѣсколько отверстій, и, наконецъ, надъ дѣкой протянуто пять металлическихъ заржавѣлыхъ струнъ, настраивающихся посредствомъ натягиванія на колки, помѣщенные на суженной части инструмента. (Каждая струна настраивается на *цѣлый* тонъ выше сосѣдней, такъ напр. если крайняя издаетъ звукъ—*do*, то вторая—будетъ *re*, третья—*mi* четвертая—*fa*, а пятая—*sol*.)

Что же касается до игры на шангурѣ то у Вогуловъ требуется только *извлечение звуковъ*, не заботясь о томъ, выходитъ ли какая нибудь мелодія, или нѣтъ. Сколько я не вслушивался больше пяти звуковъ, соответствующихъ струнамъ въ мотивѣ не слышится. Правая рука играющаго перебираетъ попеременно струны, лѣвая бьетъ концами пальцевъ, такъ какъ у насъ это дѣлается во время игры на бала-лайкѣ. Весьма часто получаются такіа ужасныя диссонансы, что хочется затыкнуть уши.

Во время пляски Вогулы обыкновенно берутъ въ обѣ руки платки, однимъ концомъ которыхъ обвертываются пальцы, свободнымъ-же концомъ они постоянно хлещатъ по воздуху въ горизонтальномъ направленіи. При этомъ дѣлается такъ, что правая рука машетъ платкомъ въ лѣво, а лѣвая—въ право. Кромѣ того все туловище Вогула коверкается ужаснымъ образомъ, перегибается то на одну то на другую сторону, причемъ ноги хотя и двигаются по землѣ но не поднимаются отъ ея поверхности, такъ какъ колѣни не сгибаются. Вообще въ пляскѣ они стараются подражать походкѣ медвѣдя и даже изображали передъ нами довольно сальное похождение филина. Отъ времени до времени плясуны дико вскрикивали, или свистали: это означало, что они кричатъ въ лѣсу на медвѣдя и свистомъ ободряютъ своихъ собакъ, которыя гонятся по его слѣдамъ. Танцуютъ обыкновенно по два, но иногда является и третій, который надѣваетъ при этомъ большую маску, сдѣланную очень грубо изъ древесной коры. Такой замаскированный плясунъ назы-

¹⁾ Это вѣроятно (сколько можно судить по описанію) тотъ инструментъ, который іеромонахъ Макарій обозначаетъ именемъ *тэйринибъ* или *тарнабой* (стр. 23. См. дальше наименованіе статьи). Слича также рисунокъ у Гофмана (Сѣв. Ур. II, стр. 108) инструмента (безъ названія) у Остяковъ, и описаніе Вогульскаго шангура (*Schongurt*) у Палласа *Reise durch versch. Prov. d. Russ. Reichs.* II. 1. 5. 259); у послѣдняго путешественника описывается и пляска дварей (*L. c.*). У инструмента, видѣннаго имъ находились впрочемъ *шесть* струнъ изъ жала (*Darmseiten*).

вается почему-то—*козякинъ* и выдѣлываетъ удивительныя соло; его кривлянія возбуждали между стоящими Вогулями взрывы хохота. Продолжается пляска до тѣхъ поръ пока музыкантъ или танцоры не утомятся.

Пѣніе Вогуловъ есть скорѣе речитативъ съ пониженіемъ и повышеніемъ голоса въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Содержаніе пѣсенъ предоставляется благоусмотрѣнію поющаго. Начиная пѣть Вогуль не знаетъ еще, о чемъ онъ будетъ пѣть? и сводитъ обыкновенно на какойнибудь случай изъ своей охоты. Это еще не значитъ, чтобы воспѣвались особенныя выходящія изъ ряда обыкновеннаго случая. Вовсе нѣтъ. Поется что вотъ-молъ я пошелъ и убилъ медвѣдя или сахатаго,

Для образчика представляю двѣ записанныя пѣсни, продиктованныя мнѣ Вогуломъ Иваномъ Платоновымъ:

1) «.. Иду я по лѣсу зеленому. Собака бѣжитъ впереди. А вотъ большой медвѣдь лезетъ на дорожку и мнѣ надо его убить. Ружье мое хорошо, я въ него (?) попалъ и ахъ какъ потекла кровь»...

2) «.. Иду я по лѣсу зеленому. Собака бѣжитъ впереди. Тамъ есть ручей куда приходитъ пить большой сахатый: Съѣлъ я и жду звѣря. Темно стало. Я ничего не вижу. Но вотъ затрещала земля (?) и идетъ онъ (?). Я выстрѣлилъ и попалъ»..

Таковы вообще пѣсни Вогуловъ. Я старался записать эти двѣ, забываясь о передачѣ ихъ слово въ слово и не обращая вниманія на смыслъ.

Кромѣ того я употреблялъ всѣ усилія чтобы узнать, есть ли между этими инородцами какіянибудь преданія? нѣтъ-ли наконецъ какихънибудь мифическихъ героев? но всѣ мои розысканія остались тщетными. Даже о такихъ личностяхъ какъ о сожженномъ Вогулѣ Чумпинѣ, о Ермакѣ и мн. др. они ничего не помнятъ, или по крайнѣй мѣрѣ не хотѣли мнѣ рассказать. Видно, дикая мертвая природа, окружающая Вогуловъ не можетъ ихъ превратить въ поэтовъ и дать пищу для воображенія.

Вогулы, живущіе на р. Лозвѣ говорятъ на своемъ родномъ языкѣ и только тѣ мужчины, которые имѣютъ сношеніе съ русскими, отправляясь въ Ивдаль за мукой и др. припасами—понимаютъ русскій языкъ и сами выражаются на немъ довольно правильно; женщины-же и молодые парни едва понимаютъ и совѣмъ не говорятъ ни слова по русски. Я имѣлъ случай записать около трехъ сотъ вогульскихъ словъ, причемъ спрашивалъ и слушалъ выговоръ нѣсколькихъ человѣкъ, чтобы по возможности записать правильно.

Нѣкоторыя слова какъ видно изъ списка, весьма сильно отличаются отъ записанныхъ Иеромонахомъ Макаріемъ¹⁾ и тѣми, которые находятся въ „Историческо-географическомъ описаніи Пермской губ. 1800 г.“. Въ полномъ сочиненіи, извѣстномъ мнѣ

¹⁾ Иеромонахъ Макарій «Замѣтка о Верхотурскихъ Вогуляхъ, живущихъ по р. Лозвѣ» Вѣстникъ Географическаго Общества. 1833 г. № 1. Смѣсь стр. 15.

по указанію г. Чупина¹⁾ говорится слѣдующее о языкѣ Вогуловъ: „Вогуличи одного происхожденія съ Зырянами, Пермьями, Вотьями и другими, т. е. Финскаго или Чудскаго, что доказывается сходствомъ языка и сими народами, и частію родомъ ихъ жизни. Они сами себя называютъ *Мансами*.²⁾ По причинѣ разсѣянія ихъ по разнымъ мѣстамъ, языкъ ихъ столько перемѣнился, что не только многія слова различно произносятся, но для названія однихъ и тѣхъ же лицъ и вещей выдуманы по разнымъ мѣстамъ новыя наименованія, какъ напримѣръ: Вогуличи Кунгурскаго уѣзда называютъ отца — *сязимъ*, Чердынскаго — *сезъ*, а Верхотурскаго — *чача*. Ёсть — у Кунгурскихъ Вогуловъ называется *спехъ*, Чердынскихъ — *оли*, а у Верхотурскихъ — *тиохва* и т. д. Но большую часть словъ только различно произносятся: Бога именуютъ Кунгурскіе — *Таромъ*, Чердынскіе — *Торомъ*, а Верхотурскіе — *Тармъ*. „ Далѣе въ своемъ обзорѣ г. Чупинъ прибавляетъ: „Такая разница въ самыхъ употребительныхъ словахъ просто невѣроятна! *чача* не есть-ли искаженіе русскаго слова *тятя*? По указанію Регули *отецъ* называется по вогульски *ымъ*; *я ымъ* — *тэмъ* а слово *оли* значить *есть* (а не *нѣтъ*). „

Въ прилагаемомъ спискѣ вогульскихъ словъ, я обозначилъ въ скобкахъ однозначущія слова, записанныя другими.

Богъ — Тоормъ (*Тормъ* по Макарію, *Таромъ* — Кунгурск. Бог., *Торомъ* — Чердынскіе В., *Тармъ* — Верхот. В.)

Небо — по вогульски также Тоормъ; отличія между небомъ и Богомъ у нихъ, какъ видно нѣтъ.

Ножикъ — Касай.

Ложка — Кууцъ.

Сѣтъ — Сырпъ.

Дрова — Унцъ.

Листья — Лопта.

Цвѣты — Бумъ.

Трава — по вогульски также — Бумъ.

Дерево — Пю.

Свѣчка — Поольвосъ.

Поль (досчатый) — Кольгенъ.

Кафтанъ — Уайганъ.

Скамья — Пооль.

Столъ — Пааса.

Постель — Тауль.

¹⁾ Н. Чупинъ. Обзорѣніе книгъ и статей въ которыхъ говорится о Вогулахъ и Остякахъ (въ хронологическомъ порядкѣ).

²⁾ Русскіе-же придаютъ названіе *Остяковъ* тремъ совершенно различнымъ народамъ: 1) Собственно Остякамъ (Ась-Яхъ) Обскнымъ; 2) тѣмъ *Вогуламъ* (Манси), которые живутъ въ Ляпинской и Сосвинской волостяхъ *Березовскаго округа* и 3) Самоѣдскимъ племенамъ, обитающимъ въ Томской губерніи между правыми притоками Оби — Чулымомъ и Томомъ. (Чупинъ. Обзорѣніе).

Копыбель—Аапа.

Окно—Иснась.

Зеркало—Уэль-суспегеръ.

Дверь—Аауй.

Поясъ—Эндакоаль.

Дѣвочка—Аагырсь.

Подсвѣчникъ—Кэраонъ.

Собака—Аамбъ.

Лошадь—Луу.

Лось—Соорбъ.

Медвѣдь—Тоореу, Тора.

Корова—Миссь.

Крыша—Коляля.

Труба (дымовая)—Куртуръ.

Охотникъ—Уараей.

Священникъ—Поопъ.

Настухъ—Мэтху.

Отець—Аасимъ (*Сязимъ*—Кунг. Вог., *Сезъ*—Чердынск. Вог. *Чача*—Верхот.
В., *Възъ*—по Регули).

Мать—Соанимъ.

Дочь—Ааымъ (*Ючо* по Макарію).

Сынъ—Пыымъ (*Юсь-Кумъ* по Макарію).

Жена—Ээкуа (Баба, женщина—также *ээкуа*; женщина-же по Макарію—*нэ*).

Старуха—Матмэ-ээкуа.

Старикъ—Матм—оошъ.

Женпхъ—Оопсъ (*Мужикъ* по Макарію—*Кумъ*). Нѣкоторые Вогулы называютъ мужикъ—*Гуумъ*.

Невѣста—Манимъ (*Дюка* по Макарію *Ючонсе*). Мы слышали, что дѣвка называлась—*Аагъ*.

Церковь—Гэльбунголь.

Могила—Мауонга.

Похороны—Эльшантильонъ.

Крестъ—Иээрнъ.

Звать—Тэгмъ.

Ругаться—Дигульи.

Бить—Пойстомгери.

Мальчикъ—Пыырсь.

Плевать—Айнтахтави.

Плясать—Йэнкунгъ.

Играть (на инструментѣ)—Сангультогери.
 Пѣть—Айунгери.
 Гора—Урь (Гофманъ. «Сѣверный Уралъ» и пр. стр. 60).
 Курить—Каартси.
 Нюхать табакъ—Соокеймъ.
 Ъсть—тээмъ (*тэмз*—по Регули).
 Прыгать—Порунгери.
 Падать—Ельпатей.
 Спать—Ельхушва.
 Храпѣть—Торуинди.
 Перо—Пуунъ.
 Писать—Хоньсунгери.
 Бумага—Нээбаъ.
 Рѣзать—Яхтунгери.
 Бѣгать, скоро побѣгу—Шагапъ эльбъ тайде.
 Мертвый—Кооласъ.
 Олень—Саали.
 Табакъ нюхательный—Соаръ.
 Трутъ—Тоопляъ.
 Трубка—Конгса.
 Осень—Таукси.
 Весна—Тууе.
 Лѣто—Туун.
 Зима—Тааль.
 Снѣгъ—Тууптъ.
 Яма—Онга.
 Знакъ, печать—Тамга.
 Ужинать—Тэунга.
 Туманъ—Тультъ.
 Пьяный—Аимгу.
 Рюмка—Чаарка.
 Дупло—Кэурниу.
 Бутылка—Суули.
 Шишка кедровая—Цааъ.
 Сосна—Тарыхъ.
 Градъ, градина—Ахташенъ шохль.
 Радуга—Шой.
 Звѣзды—Соутъ.
 Мѣсяцъ—Йонгобъ.

Солнце—Коаталь.
Туча—Шахль.
Дождь—Аймъ.
Мокнуть—Поолътетсу.
Пачкать—Ельпачкацу.
Грязь—Уакляхъ.
Ведро—Уэтра.
Овца—Поаля.
Орелъ—Юсуй.
Пѣтухъ—Шипкуархъ.
Кошки—Клаки.
Утка—Ооазъ.
Комаръ—Лоомуй.
Мести, подметать—Котхосунгери.
Кольцо—Туля.
Серьги—Снимсякъ.
Ноготь—Коскеръ.
Дыра—Аасъ.
Печь—Кууръ.
Полка—Ноорма.
Шуба—Сакій.
Холодно!—Ай шермъ!
Жарко!—Рзэй!
Кусать—Пуурхатъ.
Убить—Алилу.
Вздохнуть—Шаакемъ.
Выморкаться—Посильмъ.
Усы—Туусумъ (*Тоспунанъ* по Макарію).
Борода—также Туусумъ (*Тоспунъ* по Макарію).
Кровь—Кээльпъ.
Кость—Луузумъ.
Палка—Иизубъ.
Топоръ—Соарбъ.
Бочка—Уйткася.
Каплять—Каакуэ.
Больной—Аугмъ.
Чортъ, дьяволъ—Кульи.
Пещера—Кээрсколь.
Ѣхать верхомъ—Сэтло Майнъ.

Волкъ — Уйй.
Лисица — Охшеръ.
Россомаха — Тоольмахъ.
Ворона — Уринсува.
Воронъ — Куулахъ.
Табакерка — Соохнойнтъ.
Чашка — Ана.
Говядина — Нюуль.
Рукавица — Пааса.
Котель — Поотъ.
Мука — Коласъ.
Гвоздь — Кээрсолъ.
Береза — Коольпъ.
Болото — Яанчалъ.
Камень — Аахтасъ.
Огородъ — Уля.
Городъ — Уузъ.
Деревня — Паауль.
Баринъ — Поеръ.
Барыня — Поеръ-эвуа.
Сабля — Сырай.
Стрѣла — Няоль.
Лукъ — Яутъ.
Веревка — Коаль.
Завязать — Мохлонгери.
Бросить — Коляели.
Кончить — Коальоуль.
Спасибо! — Помосипе!
Соболь — Нехосъ.
Куница — Гуница.
Мѣшокъ — Уурыхъ.
Хвостъ — Лээймъ.
Рыба — Кууль.
Птица — Шангзи.
Звѣрь — Своорбъ.
Человѣкъ — Эльмгользъ.
Щенокъ — Усямпа.
Жеребенокъ — Няурпи.
Теленокъ — Саарпи.

Заяць—Соуръ.
Глухарь (птица)—Маяшпаяъ.
Куропатка—Апча.
Рябчикъ—Кіисупъ.
Блюха—Шупъ.
Вошь—Тахмъ.
Клопъ—Русъ-тахмъ.
Вѣнчаться—Уэнштахтиль.
Исповѣдываться—Испоуэдъ миніуа.
Змѣя—Йѣльмчуй.
Флинтъ—Йыбы.
Кочерка—Клюка.
Пуговица—Пахлаптъ.
Бѣлка—Лѣйнъ.
Горностай—Шойльпъ.
Пеструшка—Ханжехольмъ.
Тетеревъ (косачъ)—Польда.
Жукъ—Махля.
Ястребъ—Орткамъ.
Кротъ—Утлайси.
Свистать—Кисива.
Подушка—Асмхооль.
Мышь—Кисхъ.
Горшокъ—Карышъ.
Гребешокъ—Оорпъ.
Лѣчиться—Ельтахтива.
Летать—Тылитале.
Крыло—Тауль.
Тихо—Тасль-Тыйш.
Скоро—Мылихъ-тыйли.
Довольно!—Таули!
Ножницы—Хопта.
Щило—Пажильнъ.
Купаться въ банѣ—Паня пауліа.
Слюни—Сальмутъ.
Готовъ-ли ты?—Аасимъ.
Вставай!—Куалива!
1—Акуа.
2—Китыхъ.

- 3—Куурмъ.
4—Ния.
5—Атъ.
6—Коотъ.
7—Соатъ.
8—Нелюль.
9—Ондѣль.
10—Юу.
11—Айтбелу.
12—Китый-белу.
20—Гусъ.
30—Уатъ.
40—Налибанъ.
50—Аатбанъ.
60—Гоотбанъ.
70—Саатлу.
80—Нюльсоотъ.
90—Айнтелю-соотъ.
100—Соотъ.
1000—Соотъ-эрэ.
Я—Тэганъ.
Ты—Амъ.
Онъ—Тау.
Рука—Коатъ (по Макарію рука—*Котэ*, рука-же—*Катэ-полетэ*).
Рубашка—Моолся. (Нѣкоторые Вогулы называютъ рубашку—*суунъ*.)
Нитка—Сэтапъ.
Иголка—Юнтопъ.
Пальцы—Тулоуль. (Палець по Макарію—*Каттюль*).
Бричать—Роонгенъ.
Плакать—Люнси.
Смѣяться—Мованди.
Хорошо!—Эмасъ!
Плохо!—Люль!
Хлѣбъ—Нянъ (по Макарію также—*нянь*).
Вода—Уйтъ.
Соль—Сольвуль.
Огонь—Улья.
Пить—Ай-унгъ.
Бери—Войэль.

Пойдемъ—Минэй.

Вставай—Унденъ.

Лодка—Каанъ (*Кэбъ*—по Макарію).

Весло—Туупъ (*Тонъ*—по Макарію).

Поѣдемъ въ лодкѣ—Капиль минэй.

Рѣка—Я (ручей по Гофману также—*Я*; по Макарію рѣчка—*Нэ*, рѣка—*Лосмъ*).

Лѣсъ—Уоръ (по Макарію—*Исэ*).

Штаны—Маньсупъ.

Платокъ—Пункторъ.

Глазъ—Самъ.

Носъ—Нёль (по Макарію—*нялэтъ*).

Губы—Супеёль.

Ротъ—Собэ.

Языкъ—Нэлыкэ.

Голова—Пунгъ (по Макарію *этанъ* или *пэнгъ*).

Волоса—Аатъ (по Макарію *пэнгэтъ*).

Брови—Пунъ (по Макарію—*пантанъ*).

Уши—Пайль (по Макарію ухо—*нялетъ*. Онъ-же прибавляетъ: «Вогульскій языкъ ближе всего подходитъ къ остяцкому и пермскому. Таеъ напримѣръ, изъ приведенныхъ нами словъ видно, что вогульское *нянь* соотвѣтствуетъ пермскому также—*нянь*—хлѣбъ, вогульское *нялэтъ* или *пэлэтъ*—пермскому *пэль*—ухо, отъ чего произошло слово *пелъняни* или какъ говорятъ русскіе, *пельмани*, что значитъ *хлѣбныя уши*, кушанья употребительное въ Сибири.» (I. с. стр. 16).

Шея—Сыплю.

Грудь—Могъ (по Макарію—*мойлэтъ*).

Животъ—Пука (по Макарію брюхо—*кухрэтъ*).

Нога—Лягль. (по Макарію—*лайманъ*.)

Дымъ—Поспмъ.

Громъ—Сяхень.

Кремень—Уляхтусъ.

Ружье—Писэль.

Свинецъ—Аатусъ,

Дробь—Сакнпръ.

Порохъ—Сэля.

Рубль—Эксайтъ.

Копѣйка—Коопейка.

Водка—Вина-юнгъ.

Хочешъ?—Тончей?

Говорить—Лау.

Шапка—Кээльтъ.

Корзина—Уата. (Корзина эта сдѣлана изъ березовой коры и на туземномъ русскомъ нарѣчїи называется—*буракъ*.)

Шалашъ—Коольбаль.

Мѣхъ—Тоуль.

Сумка (сдѣланная изъ оленьихъ шкуръ)—Ернъ—хуръ.

Острога (которой бьютъ крупную рыбу)—Путонъ.

Паче!—Здравствуй!

Изъ приведенныхъ словъ видно на сколько записанное мной отличается отъ вогульскихъ словъ представленныхъ Іеоромонахомъ Макаріемъ. Кромѣ того, ясно видно что въ нарѣчіе вогульское вкрадываются многія слова чисто русскія, которыя только иначе произносятся, такъ напр. Священникъ—*ноонъ*, копѣйка—*коопейка*, рюмка—*чаарка*, кунца—*гуница*, исповѣдываться—*испоудъ миніа* и т. д.

Между собою Вогулы говорятъ чрезвычайно быстро, причемъ слышится преобладаніе гласныхъ звуковъ; при объясненіи же на русскомъ языкѣ они произносятъ слова медленно, съ разстановкой и какъ-бы отчеканиваютъ каждый слогъ.

На Лозвѣ находится много мѣстъ, которыя носятъ названіе *старицы* (большія заплы, или прежнее русло (?) по увѣренію туземцевъ) На берегу таковой-то старицы въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ находился таборъ Вогуловъ, стоитъ одинокая *юрта* какъ образецъ тѣхъ зимнихъ убѣжищъ, въ которыя прячутся описываемые пнородцы во время длинной и суровой зимы. Эта юрта принадлежитъ Вогулу Ивану Платонову, и окружена дремучимъ лѣсомъ. Мы отправились осматривать это жилище на лодкѣ, которою ловко управляли двѣ Вогуляне, не смотря на чрезвычайно быстрое теченіе воды.

Небольшая четырехугольная изба, срубленная конечно изъ превосходнаго лѣса, стоитъ на краю утесистаго берега.¹⁾ Въ нее ведутъ низенькіе двери, окно небольшое, со стеклами. (Обыкновенно-же у Вогуловъ, обитающихъ въ дальнихъ юртахъ, вмѣсто стекла употребляется пузырь, и даже зимой, какъ намъ рассказывали, куски льда въ видѣ небольшихъ пластинокъ. Насколько вѣренъ этотъ рассказъ—судить не берусь.) Внутренность юрты представляетъ голыя, закоптелыя стѣны, широкія *нары* или скамьи вкругомъ, и наконецъ въ углу—*чувагъ*. Это есть дымящійся очагъ, въ которомъ поддерживается постоянно огонь лѣтомъ отъ комаровъ, зимой—отъ холода. Чувагъ состоитъ изъ высокой трубы сплетенной изъ древесныхъ прутьевъ и обмазанной глиною. Діаметръ трубы вездѣ одинаковъ, верхъ—выходитъ на крышу и образуетъ собственно *трубу*, нижняя часть съ вырѣзаннымъ большимъ отверстіемъ для прохода дровъ—составляетъ *чувагъ*. Конечно,

¹⁾ Юрта имѣла низкую кровлю. *Памасъ* (Reise etc. II 1. S. 260), описывая Вогульскую юрту почему-то говоритъ, что «она была безъ крыши» и съ стѣнами (?).

при такомъ устройствѣ печи, тепло не могло бы держаться въ юртѣ, если-бы огонь не поддерживался постоянно.

Замѣчательно, что Иванъ Платоновъ живетъ совершенно особнякомъ. Около него нѣтъ по близости ни одной юрты, ни одного живаго человѣка. Въ добавокъ онъ даже и не женатъ. Во время болѣзни или вообще какого нибудь несчастнаго случая—ему не откуда ждать помощи. Не смотря на это Иванъ считаетъ себя вполне счастливымъ и живетъ уже нѣсколько лѣтъ одинъ съ своей собакой. Пожалуй что г. Блиновъ правъ, говоря слѣдующее: «Дикая природа сѣвернаго Урала, непроходимые лѣса и болота, опоясывающіе подошвы голыхъ скалъ его, суровый климатъ и бесплодная почва не могли никогда привлѣчь земледѣльца. Пустынные мѣста эти довали только убѣжище дикимъ Вогуламъ, для которыхъ звѣриный промыселъ и рыбная ловля составляютъ занятіе, а *совершенное отчужденіе отъ Общества—потребность въ жизни.*»¹⁾

Понятно что вслѣдствіе этой любви къ одиночеству, врожденной лѣни и безопасности, Вогулы очень часто подвергаются опасности умереть съ голоду. Рассказываютъ, что одинъ Вогулъ не заботился о своей ежедневной пищѣ и довольствовался тѣмъ, что стрѣлялъ только ту дичь, которая подлетала къ его юртѣ на близкое разстояніе. Но нѣсколько дней, благодаря мятели, ни звѣрь, ни птица не появлялись. Вогулъ началъ буквально умирать съ голоду и навѣрно отправился-бы къ праотцамъ если-бы глухарь не натѣнулся на юрту и не сдѣлался добычей голоднаго дикаря. Лежа на нарахъ Вогулы большую часть времени проводятъ въ бездѣйствіи и наслаждаются только нюханіемъ табака. Курящихъ между ними нѣтъ ни одного.

У многихъ зажиточныхъ семействъ имѣются громадное число оленей, достигающее иногда до нѣсколькихъ тысячъ; но такіе богачи живутъ также бѣдно и неприятно, какъ и тѣ, которые имѣютъ только нѣсколько паръ оленей. Одинаковое платье, одинаковая грязь и неряшливость—не позволяютъ различать бѣдняковъ отъ богачей.

Зимой оленей запрягаютъ въ легкіе сани или *нарты* и совершаютъ далекія путешествія въ изумительной быстроту: говорятъ напримѣръ, что изъ Ивдиля можно доѣхать до Березова въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ! Лѣтомъ стада оленей отгоняютъ на берега Ледовитаго Океана гдѣ нѣтъ комаровъ, безпокоящихъ животныхъ.

Ни лошадей, ни коровъ—Вогулы не имѣютъ.²⁾ Хозяйствомъ никакимъ не занимаются, кочуютъ (лѣтомъ) съ одного мѣста рѣки на другое, употребляя для этой цѣли лодки, куда сажаютъ семейство и собакъ. Овощей не разводятъ, такъ какъ (какъ я уже сказалъ) приправъ въ свои кушанья они не кладутъ; а иногда только

¹⁾ Историко-статистическій очеркъ Богословскихъ заводовъ М. Блинова. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1859. № 3—2 и «Описание сѣвернаго Урала за предѣлами населенія изслѣдованнаго горной экспед. въ 1831 г. подъ команд. Протасова Горн. Журн. 1833. № 6. стр. 298 посл. (Чупинъ Обзор.)

²⁾ Странно, что Палласъ Reise durch versch. Prov. d. Russ. Reiches. II. I. 257) видѣлъ у богатыхъ Вогуловъ *коровъ*, а о собакахъ замѣчаетъ, что *нихъ держатъ только немногіе.* Замѣчу впрочемъ, что Палласъ видѣлъ Вогуловъ на р. Турѣ (недалеко отъ Богословска?) въ 1770 г. Собаки весьма похожи по наружности на собакъ *Эскимосовъ* (Canis borealis) изображенныхъ у А. Врэма (Жизнь животныхъ Т. I стр. 409.)

въ болтушку бросаютъ плоды *шиповника* (*Rosa canina*) или корень, носящій здѣсь названіе—*Маринъ корень* (*Raeonia*). Последнее растеніе почитаютъ на всемъ Уралѣ за такое, отъ котораго бѣгутъ змѣи. Въ вышеупомянутой замѣткѣ г. Блинова мы встрѣчаемъ: „Здѣсь не лишнимъ считаемъ сообщить одно замѣчательное обстоятельство: въ дачахъ Богословскихъ заводовъ, не смотря на болотистую мѣстность, нѣтъ змѣй. Это приписываютъ растенію *Маринъ корень*, которое въ большомъ изобиліи водится въ лѣсахъ здѣшнихъ.“¹⁾ Кромѣ того Вогулы употребляютъ въ пищу (въ сыромъ видѣ) зонтичныя растенія (которыя пока не опредѣлены) извѣстныя подъ названіемъ *пикани* и *медвѣжья дудка*.

Относительно растеній употребляющихся съ *лекарственною* цѣлью я не могу ничего сказать положительнаго, такъ какъ мнѣ не удалось узнать отъ Вогуловъ, всѣхъ названій цѣлебныхъ растеній. Ограничусь выпиской изъ путешествія Лепехина, въ которомъ онъ касается и интересующаго насъ вопроса:

„При устьѣ сей рѣчки (Талай) немалыя находятся горы, состоящія изъ сѣраго камня. Горы сіи въ жаркой лѣтней мѣсяцъ еще показывали наступающую весну. Лиственныя деревья какъ-то береза, ольха, осина, вятлина, верхи горъ покрывающія еще несовершеннымъ одѣты были листвіемъ, а травы самыя весеннія только показывались; какъ-то *стародубка* (*Adonis vernalis*), которую Вогульцы въ скотскихъ болѣзняхъ употребляютъ. Египетская золотая лоза (*Senecio Aegyptiacus*), едва начинала распускаться, дикий хмѣль (*Atragene alpina*) вился около деревьевъ и оплеталъ подлежащія травы, перелойная трава (*Androsace septentrionalis*) для каменнстаго мѣста росла не высока, европейская тріенталисъ (*Trientalis europaea*) почти всю поверхность горъ покрывала, таволга (*Spiraea crenata*) не менѣе волгскихъ мѣстъ изобиловала, *василисникъ* (*Thalictrum majus*) *благонадежное Вогульцовъ* *лѣкарство отъ запору*, украшалъ косогоры, *скерда* (*Crepis sibirica*) уже готовила свои стебли для утоленія Вогульской жажды.“²⁾

Кромѣ того въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Лепехинъ, говоря о растеніяхъ, упоминаетъ, что «сказываютъ, что дерево лиственница была въ числѣ обожаемыхъ ими (т. е. Вогулами) вещей, а по какой причинѣ, того не знаютъ; можетъ быть, что они отъ лиственницы видѣли больше выгоды, нежели отъ другаго какаго дерева. Съ лиственницы собираютъ они клей (т. е. смолу) и употребляютъ какъ на домашнія подѣлки такъ и на снарядъ охотничей. Притомъ *лиственничная сыра служитъ Вогуличанкамъ вмѣсто лѣкарства* и вмѣсто лакомства; *которыя такъ какъ Башкирки часто ее жуютъ. и сказываютъ, что отъ сыры бываетъ чистъ ротъ, бѣлѣютъ зубы и всякая нечистота во рту очищается.*»³⁾

Теперь упомяну о такъ называемой Вогульской *таль*. У большинства Во-

¹⁾ Л. с. стр. 35.

²⁾ П. Лепехина. Дневныя записки путешествія по разн. провинц. Россійск. Государства въ 1771 г. Томъ III стр. 87. Изд. 1780 г.

³⁾ Л. с. стр. 29.

гуловъ (какъ мужчинъ, такъ и женщинъ) на рукахъ (по выше кисти) и ногахъ можно замѣтить различныя узоры, состоящіе изъ темносинихъ черточекъ, квадратовъ и точекъ. Смотря по комбинаціи этихъ фигуръ получаются или кресты, или четырехъ-угольники съ лучами во всѣ стороны и т. д. Эта татуировка тѣла сколько мнѣ удалось узнать, имѣетъ различныя основанія: въ большинствѣ случаевъ молодые женщины и дѣвушки разукрашиваютъ себя ею ради вѣстства, врожденнаго прекрасному полу всѣхъ племенъ.

Мужчины же имѣютъ нѣсколько иную цѣль. Во время охоты, бродя по лѣсамъ Урала, Вогуль время отъ времени вырѣзаетъ на стволахъ деревьевъ тѣ узоры, которые онъ имѣетъ на рукахъ или ногахъ, и такъ какъ каждое семейство имѣетъ свою тамгу, то всякій охотникъ идущій по лѣсу и замѣчающій вырѣзки на деревьяхъ, можетъ быть смѣло увѣренъ, что Вогуль изъ такого-то семейства прошелъ въ этихъ мѣстахъ.

Лепехинъ ¹⁾ упоминаетъ также о насѣчкахъ, дѣлаемыхъ на деревьяхъ (въ окрестностяхъ Лобвы) и носящихъ названіе *тiоса*, *тjоса*, говоря: „Другую свѣу причиняла намъ бездорожница, и въ толь обширномъ лѣсу единственнымъ предводителемъ намъ былъ *тjосъ*. (По лѣсамъ таскаться пріобывшіе мужики *тiосомъ* называютъ засѣчки на деревьяхъ, по которымъ они узнаютъ лѣсныя мѣста. Симвъ способомъ находятъ они и добытыхъ звѣрей, которыхъ они по одиночеству принуждены бывають оставлять въ лѣсахъ до времени, какъ-то лосей и медвѣдей“.

Между Вогулами нѣтъ этимъ насѣчкамъ другаго названія, кромѣ—*тамга*, и слова *тjосъ* или *тiосъ* они нѣкогда не употребляютъ для обозначенія значковъ на деревьяхъ (по крайній мѣрѣ мы не слышали такихъ названій).

Наконецъ, тамга служигъ еще и какъ медицинское пособіе. Если кто нибудь сломаетъ руку или ногу, или просто они долго болѣютъ—то надъ больнымъ или переломаннымъ мѣстомъ накалываютъ тамгу. Такъ напр. Вогуль Петръ Бахтияровъ будучи пьянъ (что съ нимъ случается довольно часто, упавъ на правую руку и переломилъ ее. Тотчасъ-же приступили къ татуированію, а для симметріи (?) на лѣвой рукѣ проведены были только двѣ коротенькія, параллельно идущія черточки. Старуха—Вогулянка долго страдала ломотой правой ноги, и послѣ того какъ ей были сдѣланы нѣсколько надрѣзовъ, болѣзнь (какъ она увѣряла) совершенно прошла.

Знаки на тѣлѣ дѣлаются очень просто: какимъ нибудь острымъ оружіемъ производятся надрѣзы кожи болѣе или менѣе глубокіе и потомъ, натирають пораненое мѣсто толченымъ порошкомъ. Надо отдать справедливость изумительной изобрѣтательности Вогуловъ въ произведеніи узоровъ. Съ перваго взгляда покажутся всѣ тамги весьма однообразными, но вглядываясь внимательно можно убѣдиться, что это сходство только кажущееся.²⁾

¹⁾ Путешествіе. Т. III. стр. 36.

²⁾ См. прилагаемую таблицу.

Тамю, кромѣ узоровъ на тѣлѣ называется и собственноручная подпись Вогуловъ, на различныхъ документахъ, напр. при различныхъ сдѣлкахъ съ русскими промышленниками. Но это не значитъ, чтобы дикіе Вогулы были грамотны—ни читать, ни писать они не умѣютъ и если случится имъ въ какойнибудь бумажѣ „руку приложить“, то они не задумываясь ставятъ какіенибудь значки, состоящіе также изъ черточекъ прямыхъ или въ формѣ полумѣсяца. Въ большинствѣ же случаевъ ставятъ значокъ въ формѣ лука съ наложенной стрѣлой и смотря по величинѣ лука, его формы и наконецъ, по направленію стрѣлы отличаютъ каждое изъ подписавшихся семействъ.¹⁾

Что касается до религіозныхъ воззрѣній дивихъ Вогуловъ, то они какъ извѣстно считаются въ настоящее время всѣ христіанами съ 1722 г. Время отъ времени, собравшись въ Ивдиль они должны говѣть, если есть некрещенныя дѣти, то родители обязаны окрестить ихъ, хотя-бы ребенокъ былъ уже довольно великъ. Кромѣ того какъ я уже говорилъ, они вѣнчаются въ церкви, не смотря, на то что уже имѣютъ много дѣтей, и жили нѣсколько лѣтъ невѣнчанныя; но, если мы вспомнимъ, что Вогулы очень плохо понимаютъ по русски и совершенно не понимаютъ по славянскъ,—то и выходитъ, что стоя въ церкви и слушая Богослуженіе они только хлопаютъ ушами и рассматриваютъ съ удивленіемъ все что ни совершается на ихъ глазахъ. Мнѣ рассказывали, что недавно вѣнчалась одна пара, и ни женихъ ни невѣста бывающаго ничего не понимали даже по русски.

Понятно, что вслѣдствіе этого Вогулы всѣ въ тайнѣ такіе-же идолопоклонники какъ и до принятія христіанства, хотя, надо замѣтить, что они сердятся если ктонибудь изъ русскихъ скажетъ, что они поклоняются до сихъ поръ идоламъ.

Какъ-бы то нибыло, но по рассказамъ извѣстно, что въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ, среди непроходимыхъ болотъ и лѣсной чащи верховьевъ Лозвы хранится и до сихъ поръ самый главный и самый большой идолъ, котораго русскіе почему-то и называютъ—*Шайтаномъ* ²⁾ Пробраться туда нѣтъ никакой возможности, потому что ни одинъ Вогулъ, не только не проведетъ, но даже постарается разубѣдить каждаго въ существованіи такого идола. Если случается дикарямъ проходить мимо того мѣста, гдѣ хранится этотъ всемогущій Шайтанъ, то только мушны могутъ приближаться къ нему, Вогулянки-же обязаны подѣ страхомъ смерти дѣлать большой обходъ, чтобы даже не удостоиться видѣть верхушки тѣхъ деревьевъ, подѣ которыми находится богъ. Одинъ разъ въ году, въ какой-то торжественный день собираются въ это таинственное мѣсто всѣ Вогулы мушны, кто только чтитъ святость старины. Туда-же приводятъ и лошадь, которую покупаютъ въ одномъ изъ ближнихъ мѣстечекъ. Когда наконецъ всѣ собравшись, идолъ ставится по срединѣ площади и

¹⁾ Рисунокъ, сдѣланный съ подписей Вогуловъ, сдѣланъ мною въ Ивдиль. Оригиналъ доставленъ былъ мнѣ очень обязательно священникомъ тамошней церкви.

²⁾ См. указанія *Паласа* (Reise. II. I. S. 261) на это названіе и нѣкоторыя подробности объ Вогульскихъ идолахъ.

облекается въ разныхъ цвѣтовъ тряпки. Потомъ приносятъ множество длинныхъ шестовъ, втыкаютъ кругомъ божества и зажигаютъ ихъ у самой верхушки на подобіе гигантскихъ факеловъ. Когда наконецъ всё эти приготовленія кончались, вводится на площадку лошадь и привязывается крѣпко къ столбу вкопанному передъ идоломъ. Потомъ каждый участвующій на праздникѣ подходитъ къ лошади, держа въ одной рукѣ острый ножъ, въ другой—чашку; послѣ поклоновъ и молитвы, относящейся къ богу, подошедшій вонзаетъ ножъ въ какую нибудь часть тѣла животного, брызнувшую изъ раны кровь собираетъ въ чашку и потомъ пьетъ ее, какъ увѣряютъ съ наслажденіемъ. Послѣ перваго, подходитъ второй, третій и т. д., причемъ обращается вниманіе на то, чтобы лошади не наносили сразу смертельнаго удара, а чтобы она мало по малу умирала отъ потери крови.

Таковъ звѣрскій праздникъ, который празднуется по увѣренію многихъ и до сихъ поръ.

Кромѣ этого главнаго идола, почти у каждаго Вогула имѣются дома *маленькіе* идолы, сдѣланные собственноручно изъ какого-то сплава, и имѣющіе формы двухъ родовъ: первая—представляетъ всегда неуклюжаго мушину съ высокой шапкой на головѣ, на которой видны иногда нѣчто въ родѣ глазъ, носа и рта; вторая изображаетъ четвероногое чудовище, поверхность его какъ-бы покрыта чешуями, особенно замѣтными на хвостовой части. Часто на ногахъ дѣлаютъ только по три пальца, что встрѣчается и на идолахъ съ человѣческой фигурой. Идолы сдѣланы некрасиво, безъ всякой тщательной отдѣлки; поверхность ихъ неровна, шероховата; спинная сторона совершенно гладка у человѣкообразнаго божка, у тѣхъ же которые имѣютъ форму животного—только отдѣливается одна изъ боковыхъ сторонъ. Причина этому заключается въ томъ, что Вогулы вѣдѣливаютъ своихъ боговъ въ древесные стволы и тогда уже поклоняются имъ.¹⁾

Обрядовъ никакихъ намъ не случилось видѣть. Разсказываютъ, что во время свадьбы женихъ вноситъ отцу невесты отъ 5 до 15 р. с. и вся сдѣлка кончается всеобщей попойкой. Только при удобномъ случаѣ, молодые супруги вѣнчаются въ церкви, о чемъ я уже говорилъ.

Хоронятъ Вогулы своихъ покойниковъ, на томъ мѣстѣ гдѣ его застала смерть, и кладутъ въ могилу оружіе, водку и нюхательный табакъ, будучи увѣрены, что и на томъ свѣтѣ необходимо охотиться, пить и нюхать.

Кромѣ того, какъ и надо было ожидать Вогулы очень суевѣрны.²⁾ «всякой промышленникъ, когда собирается на промыселъ, беретъ съ собою какую нибудь вещь для щастія; напримѣръ изъ чурки выдѣланную колодицу съ пришибеннымъ соболемъ, или въ капканѣ пойманнаго звѣря, и сему подобныя другія. Оную вещь столь долго хранятъ и почитаютъ, пока бываетъ удача въ промыслѣ; въ противномъ случаѣ бросаютъ съ презрѣніемъ, ломаютъ и ругаются ей, такъ какъ вредной вещи,

¹⁾ Палласъ (I с.) указываетъ на каменныхъ, мѣдныхъ и деревянныхъ идоловъ, находимыхъ въ тѣсахъ по рр. Сосвѣ и Лозвѣ (какъ ему передавали).

²⁾ Также у Палласъ (I с.).

придавая ей прозваніе шайтана, то есть обладаемый нечистымъ духомъ. Изъ чего заключить можно, что праотцовская ихъ вѣра уподоблялась вѣрамъ другихъ многихъ дикихъ народовъ, почитающихъ ту вещь за свято отъ которой какойнибудь себѣ пользы надѣются» ¹⁾).

При рожденіи ребенка ктонибудь даетъ ему имя—и дѣло кончено.

Намъ случилось участвовать однажды вмѣстѣ съ Вогулами на охотѣ за дикими утками. Нѣсколько лодокъ, управляемыхъ мужчинами и женщинами пустились внизъ по Лозвѣ къ «старикѣ». Не доѣзжая немного до избраннаго для охоты мѣста рѣка въ узкомъ мѣстѣ была перегороджена легкой изгородью изъ прутьевъ и тростника, чтобы молодые утята, которые въ то время еще не могли летать—не пробрались-бы дальше. Передняя лодка сдѣлала маленькое отверстіе въ изгороди и ловко проскользнула въ него; за нею послѣдовали и всѣ остальные, послѣ чего проходъ былъ тщательно задѣланъ. Здѣсь лодки раздѣлились на двѣ партіи и плыли около праваго и лѣваго берега рѣки; сидящіе на кормѣ были по водѣ длинными шестами и такимъ образомъ «выпугивали» дичь, притаившуюся въ кустахъ. На поверхности воды начали появляться черныя головки утятъ, которые слышавъ шумъ снова исчезали, ныряя чрезвычайно быстро. Скоро довольно большое число выводковъ показалось позади насъ и небольшими рядами, одинъ за другимъ—запрыгали во всѣ стороны. Только того и ждали Вогулы. Одинъ охотникъ, сидя въ легкой небольшой лодкѣ отдѣлился отъ партіи, сбросилъ въ воду длинную, вѣрную сѣть, прикрѣпилъ ее на одномъ берегу и перетянулъ на другой. Такимъ образомъ выводки остались между двумя изгородями: сверху непускала ихъ тростниковая перегородка, внизу ожидала сѣть. Тогда мы всѣ поднялись опять противъ теченія и безъ труда притянули утятъ къ сѣти. Здѣсь они запутывались головками и ножками въ петли, ихъ брали руками и убивали о бортъ лодки. Въ полчаса набрано было такимъ образомъ довольно большое количество дичи.

Намъ ни разу не удалось быть свидѣтелями охоты на звѣря, о которой рассказываютъ очень много. Кромѣ вышеописанныхъ временныхъ ружей, они употребляютъ копыя своего издѣлія и иногда *лукъ и стрѣлы*. Къ сожалѣнію мы видѣли только наконецники стрѣлъ, но не имѣли случая убѣдиться въ томъ—какъ Вогулы владѣютъ лукомъ. Зимой Вогулы особенно много убиваютъ бѣлокъ и соболей, которыхъ или мѣняють на муку или же продають по 8 и 15 р. с. за соболя. Такъ какъ этотъ звѣрь встрѣчается на Уралѣ въ довольно большомъ количествѣ, то каждый изъ охотниковъ могъ-бы жить безбѣдно, принимая во вниманіе ограниченность его житейскихъ требованій. Но выходитъ нѣсколько иначе. Деньги прокучиваются и семейство снова голодаетъ.

Вогулы имѣютъ и свои примѣты удачнаго или неудачнаго промысла, о которыхъ рассказывали намъ охотники. Въ путешествіи Лепехина упоминается тоже самое: «1) по ихъ примѣтамъ та осень обѣщаетъ имъ изобильный соболиной про-

¹⁾ Лепехинъ. Л. с. III. Томъ стр. 29.

мысль, когда съ начала оныя крутыя приходятъ морозы, и увѣрѣляютъ земную поверхность, а послѣ того довольный нападаетъ снѣгъ; 2) когда хорошей бываетъ родъ тетерямъ и куропаткамъ; 3) когда изобильно плодятся бурундуки, или когда во множествѣ появляется бѣлка. Что до перваго надлежитъ, то сіе происходитъ отъ того, что промерзлая земля вездѣ дѣлаетъ имъ безпрепятственной путь чрезъ болоты, и Вогуличи въ самую лѣсную дичь пробраться могутъ; изобиліе упомянутыхъ животныхъ приманиваетъ множество соболей, потому что соболь, будучи хищной звѣрь, всѣми сими животными питается¹⁾. Такъ какъ звѣринные промыслы производятся главнымъ образомъ, зимою, намъ не удалось видѣть ни капеановъ, ни колодицъ ни др. способовъ которыми пользуются охотники и описанныя у Гофмана и Лепехина.

Таковы Вогулы живущіе на Лозвѣ. Дѣлая выводы изъ того что намъ пришлось наблюдать, можно сказать слѣдующее о ихъ нравѣ: они тихи, миролюбивы и необыкновенно трусливы. Вино заставляетъ ихъ иногда забыться, и только тогда они горячатся и будто нивого не признаютъ. Говорятъ, что въ Ивдилѣ куда прѣхалъ исправникъ, случился одинъ Вогуль, который конечно не упустилъ случая напиться, такъ какъ въ лѣсу водки не найдешь. Дикарь скоро началъ шумѣть и вричать. Ему напомнили, что — молъ здѣсь исправникъ. — «Какой такой исправникъ?.. я самъ себѣ исправникъ!» заоралъ въ отвѣтъ Вогуль. Но подобная смѣлость проглядываетъ у нихъ только подъ вліяніемъ Бахуса, въ трезвомъ же состояніи они очень скромны. Рассказываютъ, что одинъ разъ въ Ивдилѣ собралась довольно большая толпа Вогуловъ, которые не подѣлили водки и подрались. Дали знать бушцу, живущему недалеко отъ мѣста происшествія. Тотъ является въ толпу, и начинаетъ врестить палкой и праваго и виноватаго; толпа бросилась во всѣ стороны и не думала даже заявлять никакихъ своихъ правъ. Вообще русскихъ — дикари уважаютъ и боятся, не смотря на то что терпятъ отъ нихъ очень много обидъ и оскорбленій.

Выше я вкратцѣ упомянулъ о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между господствующимъ классомъ золотопромышленниковъ и рабочими туземцами нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстечекъ. Несчитая умѣстнымъ описывать подробно тѣ узбеки, въ слѣдствіе которыхъ низшій классъ опутывается желѣзною сѣткою и вынужденъ исполнять волю сильныхъ, я вкратцѣ укажу на то, какъ поступаютъ эти послѣдніе въ мѣстахъ обитаемыхъ Вогулами.

Дѣло въ томъ, что далеко за самымъ сѣвернымъ мѣстечкомъ Никито Ивдилемъ, въ дремучихъ, непроходимыхъ лѣсахъ — можно встрѣтить небольшія вырубленныя пространства застроенныя нѣсколькими большими и малыми избами. Это и есть поселеніе золотопромышленника. Какъ пробираться къ нему можно судить, если припомнить, что тропинку отсюда къ Ивдилю прокладываютъ только *нарочные*, отправляющіеся по какому нибудь экстренному дѣлу и изрѣдка пройдетъ самъ

¹⁾ L. с. стр. 27.

купецъ повидаться съ знакомыми или родственниками; слѣдовательно, беря это все во вниманіе, можно вообразить себѣ дорожку ведущую въ приискамъ. Она мало отличается отъ Чердынскій тропинки по своему удобству. Забираясь въ такую глушь и даль золотопромышленникъ отрывается отъ всего живаго, терпитъ всѣ лишения суровой, сѣверной зимы, подвергается всевозможнымъ опасностямъ—и главною цѣлью имѣетъ поскорѣе *нажиться*. Дѣйствительно въ этомъ отношеніи дѣла ведутся очень хорошо. Такъ наприимѣръ:

Въ одной большой избѣ или, лучше сказать, сараѣ тѣснятся иногда семьдесятъ и больше человѣкъ рабочихъ. На полу или на нарахъ спятъ всѣ вповалку, здоровый около больного; о вентиляціи конечно и говорить нечего! Еще хорошо если сарай теплый, а то случается и такъ что въ окнахъ стекла выбиты, вставитъ нечего и затыгиваютъ раму какой нибудь бумагой. И это зимой въ 40° мороза! Если случится рабочій съ семействомъ то ему не запрещается выкопать землянку и въ ней проводить какъ хочешь всѣ времена года, но эти убѣжища по тѣснотѣ, сырости и пр. еще хуже сараевъ. Жалованье каждому рабочему въ мѣсяцъ не превышаетъ 8 р. с.

Кромѣ рабочей артели у купца занимаются промысломъ золота и *поденщики*, вольные рабочіе.

Преимущество ихъ занятія передъ рабочими заключается въ томъ, что, на основаніи личнаго опыта они могутъ (конечно съ позволенія хозяина) отыскивать въ окрестностяхъ розсыпи такіа мѣста, которыя, при счастливыхъ обстоятельствахъ, позволяютъ имъ промывать въ день около золотника золота. Добычу поденщикъ обязанъ представлять *ежедневно* купцу, который платитъ имъ соотвѣтствующую сумму, удерживая только 60 коп. сер. въ видѣ *поденной платы за право разкопки*. Весьма рѣдко представляется случай, когда въ день поденщикъ получитъ цѣлый золотникъ металла и слѣдовательно заработаетъ 1 р. 40 коп. (цѣна золоту: золотн. — 2 р. сер., за вычетомъ 60 коп. с. остается 1 р. 40 коп.). Обыкновенно же приходится представлять хозяину полъ-золотника, четверть-золотника, наконецъ нѣсколько долей и т. д.; понятно, что при этомъ плата идетъ *по долямъ*, слѣдовательно самая ничтожная, а между тѣмъ вычетъ 60 коп. все таки производится ежедневно. Таинмъ образомъ случается, что поденщикъ не только ничего не зарабатываетъ, но еще, пожалуй, остается хозяину долженъ.

Работы такого рода, при которыхъ поденщики только представляютъ золотопромышленнику уже промытое золото и имѣютъ право во всякое время оставить розсыпь и переходить къ другому купцу—носятъ названіе *старательскія*, и сравнительно рѣдки, какъ представляющія болѣе риску для поденщиковъ и приносящія пользу только хозяину.—¹⁾

¹⁾ Эти свѣдѣнія я почерпнулъ изъ рассказовъ самихъ рабочихъ.

Вечеромъ, по окончаніи работъ, происходитъ взвѣшиваніе промытаго золота и такъ какъ разница въ какой нибудь одной *доли* имѣетъ существенное значеніе для копающихъ, то слѣдовало-бы ожидать вѣрнѣйшихъ вѣсовъ и разновѣсовъ. Обыкновенно-же коромысла сильно погнуты и мелкихъ разновѣсовъ не имѣется, а для этой цѣли употребляютъ простую охотничью дробь смотря по номеру ея. Можно судить о степени вѣрности взвѣшиванія, если за единицу мѣры берется одна дробина, *выбранная* изъ цѣлой горсти! Тѣмъ не менѣе объявляется вѣсъ, золото сыпается въ особый ящикъ запечатанный казенною печатью и слѣдуемая рабочему сумма обыкновенно записывается въ книгу. По окончаніи мѣсяца происходитъ уплата жалованья. Но тутъ большею частью случается такъ, что рабочему не только не приходится получать *что нибудь*, но онъ еще оказывается должнымъ своему хозяину. Оно и понятно. Вспомнимъ, что иногда приходится провозиться цѣлый день подъ открытымъ конечно, небомъ проливнымъ дождемъ, при холодномъ вѣтрѣ; иззябшій рабочій является къ купцу, просить у него чарку водки «погрѣться» и платить за это чуть-ли не 8 коп. Такихъ чарокъ выпивается нѣсколько и *въ домъ*, а по простествіи нѣсколькихъ недѣль составляетъ довольно крупная цифра.

Но это еще не все. Весьма часто является нужда въ полотнѣ, сукнѣ и т. п. для замѣны износившагося платья;—все это находится въ особой кладовой у хозяина и каждый можетъ приходить и требовать по выбору. Взятое записывается также въ книгу причемъ конечно о таксѣ нѣтъ и помину, да и самъ купецъ отговаривается невозможностью уступить, такъ какъ провозъ дорого стоитъ.

Рабочіе очень хорошо видятъ что съ нихъ «дерутъ» въ трое, но куда дѣваться? идти въ Ивдиль далеко, да и тамъ дешевле не будетъ, такъ какъ купцы держатся вѣрнѣе другъ за друга и своего не выдадутъ.

Всѣ живущіе на припскахъ могутъ быть раздѣлены на двѣ части: одна (большинство) состоитъ изъ людей безсемейныхъ, работающихъ на «хозяйскомъ продовольствіи», другую-же часть образуютъ люди семейныя, которые окончателно попадаютъ въ кабалу, будучи вынуждены питаться на свой счетъ. Дѣти требуютъ ѣсть не въ урочные часы, слѣдовательно надо покупать всю «провизию» у хозяина и готовить дома. Но и они получаютъ гнилую муку цѣною за пудъ около 2 руб. 50 к. и даже 3 р. с. ¹⁾ Мнѣ случалось слышать отъ самихъ рабочихъ, что нѣкоторые впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не видали жалованья!

Впрочемъ не лучше живутъ и тѣ, которые имѣютъ хозяйскій обѣдъ. Мясо для пищи буквально уѣдено червями, такъ какъ во время лѣтнихъ жаровъ не имѣется ни ледника, ни другаго какого нибудь холоднаго помѣщенія.

¹⁾ Тѣ рабочіе, которые сами себя продовольствуютъ получаютъ на *зарчи*, кажется, по 6 коп. сер. *суточныхъ*. Понятно, что на это съ семействомъ непроживешь, и, стало быть, необходимо покупать провизию опять таки у золотопромышленника.

При въѣздѣ нашемъ въ одно поселеніе золотопромышленника, около самой хозяйской избы насъ обдалъ отвратительный запахъ падали. Мы были увѣрены что неподалеку лежитъ брошенное мертвое животное, но скоро выяснилось дѣло очень просто: не въ далекѣ находилось небольшое озеро, въ которое опущенъ былъ большой чугунный котелъ такимъ образомъ, что только края его выходили изъ поверхности воды, недопуская ей вливаться во внутрь. Весь этотъ котелъ наполненъ былъ говядиной, назначенной для рабочихъ и усыпанной мелкими бѣленькими червяками. Нижний слой мяса уже разлагался и издавалъ страшное зловоніе. И такой пищей кормятъ людей, занятыхъ цѣлый день трудной, земляной работой!

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ больныхъ случается встрѣчать у каждаго купца, очень много. Но объ этомъ докладываютъ ему только въ такомъ случаѣ, когда больной не въ состояніи удерживать стонъ и крикъ, или же когда онъ свалится. Причиной тому что такъ упорно молчать о болѣзни, служить то что золотопромышленникъ считаетъ себя очень искуснымъ врачомъ и самъ упражняется въ леченіи. У него обыкновенно на столѣ имѣется «Скотскій лечебникъ», рецепты котораго съ нѣкоторыми измѣненіями служатъ для того чтобы усиливать страданія или же окончательно морить людей. Намъ случилось встрѣтить одного такого «доморощеннаго» эскулапа, который пускалъ кровь тотчасъ-же какъ только рабочий начиналъ кашлять, увѣряя что это есть единственное средство отъ воспаленія легкихъ. Богъ вѣсть сколько ихъ онъ „вылечилъ“! Другой больной съ громадной раной на ногѣ, по совѣту того-же врача, присыпалъ ее известью. И много можно бы было привести примѣровъ той безцѣремонности, съ какою обращаются хозяева съ своими рабочими, которые у нихъ боятся лечиться, тѣмъ запуская болѣзни и гибнуть. Да и къ кому обратиться? Кто изъ земскихъ врачей знаетъ о существованіи этихъ уединенныхъ „гнѣздъ“? сами власти, въ образѣ становаго весьма рѣдко заглядываютъ туда. Возмущенія или какого нибудь требованія со стороны угнетаемыхъ никогда не бываетъ, такъ какъ золотопромышленникъ имѣетъ у себя особаго „стражника“, который вооруженный длинной саблей и пистолетомъ тотчасъ же является на зовъ властелина и готовъ засадить ослушника въ особую тѣсную камеру съ окошечкомъ, снабженнымъ желѣзною рѣшеткой, И не смотря на всѣ эти лишеныя, каждый вечеръ въ субботу или подъ праздникъ, всѣ рабочіе, по обычаю, должны собираться передъ избой хозяина и въ веселыхъ хоровыхъ пѣсняхъ выхваляютъ его на всѣ лады или, какъ они выражаются „величаютъ“, придавая ему эпитеты „князя, молодца“ и пр. и пр.

Не меньше терпятъ и Вогумы отъ такихъ „внззей“. Будучи народцемъ въ высшей степени трусливымъ они пугаются каждаго крика купца, каждаго грознаго взгляда. За небольшое число мукъ дикари соглашаются убирать ему сѣно и исполнять какія угодно порученія. Конечно, здѣсь обходится не безъ штрафовъ, благодаря которымъ иногда работа достается хозяину даромъ. Лучшія мѣста на

Лозви огораживаются въ узкихъ мѣстахъ, чтобы рыба не могла выйти и подъ страхомъ наказанія ни одинъ Вогуль не имѣетъ право забросить тамъ своихъ сѣтей или употребить въ дѣло свой трезубецъ. То же самое относится и къ мѣстамъ, населеннымъ дичью. Однимъ словомъ золотопромышленникъ управляетъ здѣсь какъ ему вздумается, чинить судъ и расправу и употребляетъ всевозможные способы въ приобрѣтенію себѣ возможно большаго капитала. Не даромъ-же онъ забился въ такую глушь!

Особенно выгодно приобрѣтаютъ они отъ Вогуловъ шкурки соболей. Когда охотникъ—Вогуль является къ золотопромышленнику съ порядочнымъ запасомъ своего дорогаго мѣховаго товара,—первое время торгъ идетъ весьма медленно. Охотникъ заламываетъ цѣну, хозяинъ—не даетъ, дѣло какъ будто разстраивается. Но вотъ гостю подносятъ чарку водки. Послѣ второй или третьей, диварь начинаетъ снова улаживать купить соболей. Хозяинъ непреклоненъ и не набавляетъ ни копейки. Послѣ четвертой рюмки Вогуль начинаетъ спускать цѣну, но все таки купецъ увѣряетъ что это дорого. Наконецъ мало по малу водка беретъ свое, Вогуль хмѣлѣетъ, затагиваетъ свою заунывную пѣсню, въ которой онъ описываетъ охоту на соболей, и прерываетъ ее только мольбами купить товаръ. Цѣна спускается на половину, иногда даже еще ниже. Тогда ловкій купчина будто нехотя соглашается и платитъ обманутому диварю не деньгами, а въ большей части случаевъ той-же гнилой мукой, кускомъ плохаго ситца или же бездѣлушкой. Рѣдкій охотникъ выручитъ за соболя отъ 8—15 р., обыкновенно-же дѣло обходится вышеописаннымъ образомъ. Конечно, подобныя уловки не проявляются только при покупкѣ мѣховъ, но вездѣ гдѣ только замѣшанъ интересъ—золотопромышленникъ всегда остается вѣренъ своимъ принципамъ.

Простившись съ купцомъ III. мы наняли лодку и гребца изъ Вогуловъ и отправились внизъ по теченію Лозвы до небольшой деревни *Перишны*. Увѣряютъ что отъ р. Умпы, гдѣ находился таборъ Вогуловъ и до названной деревни считается 150 верстъ, но вѣрно-ли это—судить трудно.

Теченіе Лозвы здѣсь чрезвычайно стремительно, такъ что мы двигались съ необыкновенной быстротой и Вогулу оставалось только править лодкой и объѣзжать мелкія мѣста, гдѣ вода прозрачна. какъ кристалъ Берега рѣки круты и обрывисты; здѣсь растущій по обѣимъ сторонамъ, каждый годъ опустошается во время половодья и громадные деревья съ подмытыми корнями горами лежали на правой и лѣвой сторонахъ Лозвы. Кромѣ того огромные пни и полустыгшія стволы столѣтнихъ сосенъ и кедровъ попадались на отмеляхъ.

На всемъ протяженіи нашего пути мы не встрѣтили ни одного живаго существа, исключая маленькихъ куликовъ и утокъ, которые тотчасъ-же исчезали при

нашемъ приближеніи. Весь день шелъ проливной дождь, и наши вещи сильно-бы пострадали, если-бы не вогульскія *тиски*. Это какъ я уже говорилъ, есть ничто иное какъ громадные куски березовой коры, весьма искусно содранные, подшитые по краямъ и вываренные до нѣкоторой степени мягкости. Тиски не пропускаютъ воду и всегда служатъ кровлею на шалахахъ Вогуловъ.

Забившись подъ тавія рогожи, мы молча сидѣли, ежась отъ холода и сырости, Дорога казалась безконечною, однообразіе картины дикаго лѣса надобно ужасно, — а тутъ еще неперестающій дождь барабанить по тискамъ и рябить поверхность воды.

Наконецъ уже въ сумерки (18-го Іюля) добрались мы до Першинъ въ полной увѣренности, что здѣсь покрайнѣй мѣрѣ можно будетъ отдохнуть. Не обращая вниманіе на нечистоту, духоту и смрадъ избы мы примостились кое-какъ на лавкахъ. Но едва закрыли глаза, какъ были атакованы безчисленнымъ множествомъ клоповъ, блохъ и подобныхъ же насѣкомыхъ. Мы не знали что дѣлать! кому-то пришла гениальная мысль отправиться на чердакъ; перебрались туда—улеглись снова. Не прошло и полчаса какъ на насъ полилась ручьемъ холодная вода. Оказалось что крыша на столько плоха, что представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ рѣшета и дождевая вода безнаказанно течетъ на потолокъ и пробирается даже внутрь избы. Дѣлать нечего, пришлось ждать разсвѣта и отправляться въ Ивдиль.

Першины состоятъ изъ трехъ избъ, расположенныхъ на берегу .Лозы, въ которыхъ живутъ Вогулы, составляющіе какъ бы переходъ отъ дивихъ въ осѣдымъ. Они говорятъ между собою по Вогульски, но живутъ постоянно въ деревнѣ имѣютъ нѣкоторое домашнее хозяйство и владѣютъ хорошо русскимъ языкомъ. Изба въ которой мы остановились была убрана совершенно такъ, какъ это можно встрѣтить у нашихъ крестьянъ: тотъ-же столъ, скамьи, громадная русская печь и даже небольшое и грязное зеркало. Въ оконныхъ рамахъ вмѣсто стеколъ налѣплены были всѣхъ цвѣтовъ вѣточки писчей бумажки, а въ одномъ мѣстѣ виднѣлся большой лоскутъ, занесенныхъ Богъ вѣсть откуда, Московскихъ вѣдомостей. Одежда обитателей Першинъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ весьма сходна съ русской. Занятія—составляютъ рыбная ловля и охота.

Отсюда намъ надо было возвратиться въ Ивдиль противъ теченія чрезвычайно быстрой р. Ивдиль. На веслахъ не было никакой возможности двигаться впередъ, потому что силою воды лодку уносило внизъ; два Вогула взялись „сплавить насъ“ (какъ они выражались) *на шестахъ*. Гребцы становятся одинъ на носу, другой на кормѣ лодки, и по очереди упираясь о дно длиннымъ и вѣрнымъ шестомъ, подвигаютъ лодку впередъ. Конечно для этого необходимо ѣхать близко около берега и если на одной сторонѣ рѣка вдругъ дѣлается снова глубже, то направляютъ лодку на другую сторону. Плаваніе такое весьма медленно и отъ присутствія большихъ камней въ р. Ивдиль—довольно опасно, потому что если шестъ сломается и другой гребецъ не удержитъ лодку то ее снесетъ быстротою теченія и

можетъ разбить въ дребезги. Постоянное покачиваніе, ощущаемое при сдвиганіи съ мѣста, визгъ мелкихъ камешковъ при треніи лодки о дно рѣки—и наконецъ удушливый противный дымъ гнилой древесины, которая тлѣла въ дымокурѣ поставленной отъ нападенія комаровъ, дѣйствовали на меня совершенно также какъ сильная качка на морѣ. Со мною появились признаки морской болѣзни и я едва могъ добраться до того мѣста, гдѣ начинается на берегу тропинка ведущая черезъ лѣсъ прямокомъ къ селенію Ивдилю. Съ радостью сталъ я на твердую почву, и не смотря на проливной дождь и легіоны комаровъ направился съ однимъ проводникомъ въ деревнѣ. Черезъ глубокий ручей, въ одномъ мѣстѣ лежало бревно вмѣсто мостика, скользкое отъ дождя; желая проползти по немъ на другую сторону, я оборвался и полетѣлъ въ воду. Весь мокрый долженъ былъ я идти слишвомъ четыре версты, и наконецъ добрался до деревни продрогнувши до костей. Гостепріимные хозяева окутали меня въ оленьи шкуры и я забылъ скоро все неудобства, которымъ подвергался во время своего путешествія.

Вогульская экспедиція могла считаться оконченою. Мы достали одинъ вогульскій черепъ, нѣсколько вещей сдѣланныя Вогулами, которые вмѣстѣ съ портретами рисованными мною съ наиболѣе типичныхъ личностей и большимъ количествомъ растений (явнобрачныхъ и тайнобрачныхъ)—представляютъ далеко не безынтересный, какъ мнѣ кажется, матеріалъ для ближайшаго ознакомленія съ дикими Вогулами и Зауральской страной.

На обратномъ пути мы слѣдовали по той-же дорогѣ до Кушвинскаго завода. Дожди были постоянные, эскурсировать не было почти никакой возможности. Уральскія вершины дымились, Денежнинъ камень окончательно закутался въ непроницаемый темный плащъ изъ густыхъ тяжелыхъ тучъ. Дорога была ужасная.

Изъ Кушвы мы избрали дальнѣйшій путь на Екатеринбургъ, гдѣ я видѣлся съ нашимъ почтеннымъ сотрудникомъ Н. Чупинымъ, которому я обязанъ весьма многими указаніями и совѣтами при составленіи этого отчета. Кромѣ того Секретарь Уральскаго Общ. Ест. въ Екатеринбургѣ О. Клеръ сообщилъ мнѣ нѣкоторые свои замѣчанія о флорѣ Урала и даже снабдилъ экземплярами многихъ растений, которыя попортились у меня въ коллекціи отъ сырости и различныхъ неудобствъ дороги.

Разпростившись съ обязательными учеными мы выѣхали по дорогѣ въ Пермь. Ночью мы остановились на границѣ. Въ сторонѣ отъ дороги возвышается бѣлый столбъ; на одной изъ его сторонъ стоитъ надпись «Европа», на другой—«Азія». Этотъ столбъ означаетъ границу, раздѣляющую двѣ части свѣта. Перешагнешь за него и—тотчасъ же попадешь въ Европу. Тоже почувствовали и мы: проѣхали столбъ и считали себя уже дома.

Въ своемъ трудѣ, «Обозрѣніе книгъ и статей, въ которыхъ говорится о Вогулицахъ и Остякахъ. въ хронологич. порядкѣ», г. Чупинъ упоминаетъ о «Замѣткѣ о

Верхотурскихъ Вогулахъ, живущихъ по р. Лозвѣ (Вѣстн. Геогр. Общ. 1853 № 1) и отмѣчаетъ ее какъ статью, которой ему не удалось имѣть подъ руками. Имѣя возможность достать это описаніе Лозвинскихъ Вогуловъ, я считаю долгомъ сдѣлать по поводу вышеупомянутой замѣтки небольшое замѣчаніе.

Иеромонахъ Макарій (авторъ статьи) какъ видно изучалъ Вогуловъ, но Вогуловъ *живущихъ въ деревняхъ* (стр. 17); кромѣ того вѣроятно ему мало попадалось типичныхъ фizioномій, потому что описывая ихъ наружный видъ онъ говоритъ что «волосы они имѣютъ черныя, нерѣдко кудрявыя...» (стр. 15). Черный цвѣтъ волосъ встрѣчается какъ исключеніе также какъ и кудреватость ихъ. Описывая дома Вогуловъ онъ упоминаетъ даже о «крыльцѣ», которое «бываетъ и открытое и глухое съ сѣнями, въ одной связи съ домомъ» (стр. 16). Наконецъ въ статьѣ мы встрѣчаемъ описаніе «скотныхъ дворовъ», строящихся также «открытыми и глухими». «Послѣдніе ставятся или отдѣльно въ недалекомъ разстояніи отъ домовъ, или-же въ связи съ ними, какъ и у обрусѣлыхъ (?) Вогуловъ. Ходъ въ означенные дворы бываетъ всегда съ одного передняго крыльца, кругомъ дома». (стр. 16).

Описываются «бани, разумѣется черныя, и небольшія амбары, которые часто отъ р. Лозвы, затопляющей въ водополь нѣкоторыя деревни, частію отъ мышей, строятся на столбахъ, аршина въ два или въ три вышиною. Но не при каждомъ домѣ имѣется и эта амбарушка», прибавляетъ Макарій «равно какъ и баня, а часто три или четыре дома, составляющую цѣлую деревню, имѣютъ одну только баню и и одинъ амбаръ и въ случаяхъ нужды всѣ ими пользуются. Ограда вокругъ домовъ бываетъ только у Вогуловъ достаточныхъ. Гумно подобно банѣ «нерѣдко бываетъ также одно для цѣлой деревни. А самыя деревни вогульскія устраниваются безъ всякой правильности и порядка» (стр. 17).

Далѣе слѣдуетъ описаніе внутренности избъ и одежды, причемъ говорится: «вообще же платье казеннаго (?) Вогула ничѣмъ почти—ни покроемъ. ни цвѣтомъ—не отличается отъ одежды обрусѣлаго и чисто русскаго крестьянина» (стр. 19). Макарій увѣряетъ даже что «въ праздники нѣкоторые изъ Вогуловъ начали ходить въ сапогахъ (?)»¹⁾.

Описаніе одежды Вогулянокъ также показываетъ, что авторъ имѣлъ дѣло только съ осѣдлыми, вполне обрусѣвшими Вогулами.

При описаніи «болѣзней» Вогуловъ мы видимъ у Макарія: «обжорство, въ случаѣ обилія мяса или рыбы, и всегдашняя неопрятность весьма неблагопріятно дѣйствуетъ на здоровье Вогуловъ. Къ этимъ неблагопріятствующимъ причинамъ относятся также хотя и временное, но излишнее пристрастіе ихъ къ горячимъ напиткамъ и къ куренію (??) табаку,²⁾ распространенное даже между женщинами и дѣтьми (??) равно

¹⁾ Вѣроятно подъ словомъ—казенный, Макарій подразумѣвалъ дикий, въ противоположность—обрусѣлаго; но дикіе Лозвинскіе Вогулы не носятъ сапоговъ, покроя платья (какъ было сказано выше) также своеобразнъ, деревенъ и пр.—они не имѣютъ.

²⁾ Курящихъ табакъ между дикими Вогулами мы ни одного не видѣли.

и пристрастіе ихъ въ чувственнымъ удовольствіямъ, часто доходящее до разврата. Отсего происходятъ тѣдешніе Вогуловъ и въ особенности Вогуловъ и сравнительно малое плодородіе этихъ послѣднихъ, большая смертность и происшедшая затѣмъ убыль въ населеніи коренныхъ Вогуловъ, какъ показала, 9-я народная перепись. Такъ противъ бывшей въ 1834 г. переписи, убыло коренныхъ Вогуловъ почти на половину, тогда какъ обрусѣлыхъ прибыло почти вдвое. Деревни состоящія прежде изъ 7 или 8 домовъ, въ настоящее время едва имѣютъ по два, а нѣкоторыя даже совсѣмъ пришли въ запустѣніе. Господствующія между казенными Вогудами болѣзни суть чахотка и горячка, нерѣдко также сифилисъ и ревматизмъ, а по временамъ въ сильной степени свирѣпствуетъ и оспа. Противъ этого можно свѣдѣть только то, что сколько намъ неприходилось видѣть Вогуловъ, изъ болѣзней попадаютъ только воспаленіе глазъ и чесотка. Кромѣ того Н. М. Маліевъ наблюдалъ въ д. Лапаево (у обрусѣвшихъ)—зобъ. Правда, рассказываютъ что иногда появляется и между ними тифъ и оспа, но о сифилисѣ нѣтъ и помину. Чахоточныхъ г. Маліевъ также не замѣчалъ; даже и не встрѣчалось видѣть кашляющихъ.

Вообще мнѣ кажется можно вывести заключеніе, что если и замѣчается въ настоящее время «вымираніе» Вогуловъ, то оно есть ничто иное какъ простое *слиянiе этихъ инородцевъ съ русскимъ, господствующимъ населеніемъ.*

Иеромонахъ Макарій упоминаетъ даже и о «Скотоводствѣ» хотя мы кромѣ собакъ не видѣли у Лозвинскихъ Вогуловъ никакихъ животныхъ.

Дальнѣйшее описаніе подъ рубриками «Звѣроловство и рыболовство», «Нравственныя качества Вогуловъ», «Увеселенія» и «Праздники» — болѣе или менѣе подходятъ подъ то, что мы видѣли или слышали.

Представляя отдѣлу Антропологій и Этнографіи этотъ отчетъ о своей поѣздкѣ, я долженъ просить не смотрѣть на него строго, потому что не занимаясь спеціально Этнографіей, я подмѣчалъ только то, что бросается въ глаза и быть можетъ упустилъ изъ вида много главныхъ, необходимыхъ частей этнографической стороны.

Быть можетъ мое изложеніе покажется сухо, необработано въ литературномъ отношеніи; но при передачѣ видѣннаго мною, я имѣлъ въ виду изрѣченіе знаменитаго А. Миддендорфа: «Отъ путешественника, проникавшаго въ глушь мало-извѣстныхъ дальнихъ странъ съ чуждыми для насъ состояніями, всего прежде, во чтобы то ни стало, должно требовать самой строгой правдивости, такъ сказать нагой истины. Блескомъ изложенія онъ добровольно долженъ жертвовать приумноженію запаса всякаго рода дѣльныхъ свѣдѣній; а этотъ грузъ самъ собою подрѣзываетъ крылья литературному творчеству въ изложеніи, точно также, какъ на самомъ пути странствованій онъ замедляетъ быстроту движенія. *Все для самаго дѣла и ничего для славы—вотъ условіе истинно правдиваго разказа.*» (Пут. по Сѣв. и

Вост. Сибири. I. 3). Руководствуясь этимъ правиломъ, я старался только передать въ возможно-вѣрныхъ краскахъ все видѣнное и слышанное.

Прилагаемая карта сѣверо-восточной части Пермской губерніи представляетъ относительное положеніе всѣхъ Вогульскихъ юртъ и составлена *со словъ* самихъ Вогуловъ. Карта Чусовой съ обозначеніемъ д. Копчова и Бабенокъ составлена по картѣ Георга, приложенной въ его сочиненію «*Bemerkungen einer Reise im Russ. Reich*» и пр.

Мой гербарій еще далеко не обработанъ, поэтому я пока не рѣшаюсь высказывать Обществу Естествоиспытателей тѣ выводы, съ которыми я постараюсь познакомить гг. членовъ послѣ окончательнаго опредѣленія собранныхъ растений. Поэтому я отлагаю Ботаническую часть отчета до болѣе благоприятнаго времени.—

Казань.

20 Ноября 1872 г.

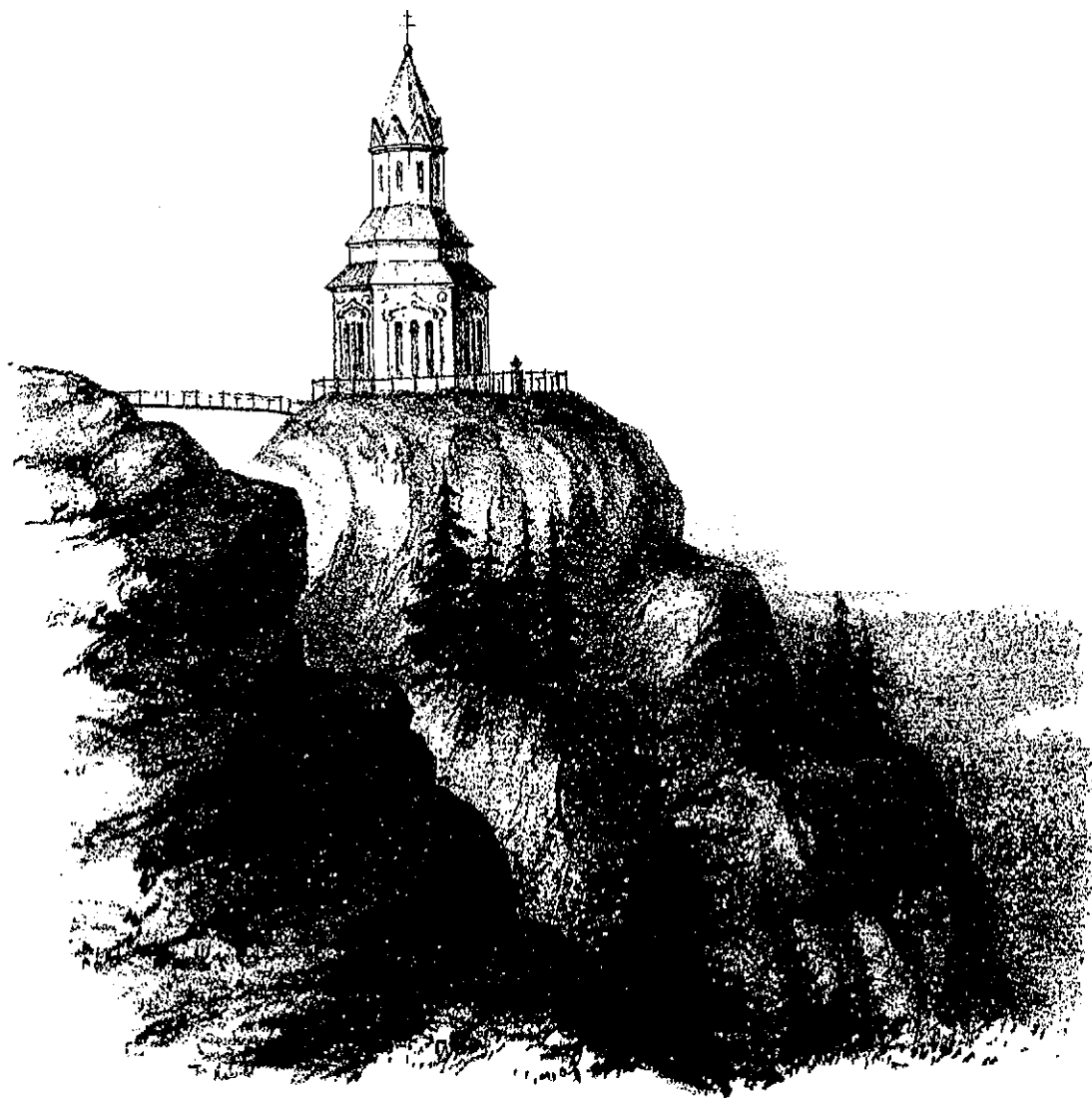

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Стоитъ.	Слѣдуетъ.
8	12 сверху	водка	воду
—	12 снизу	вѣзира	жира
10	14 »	свѣденія	свѣдѣнія
12	13 »	этойі	этой
29	11 сверху	подѣхали	подѣхали
30	20 снизу	выходитъ	выходятъ
32	14 сверху	костреъ	костеръ
43	12 снизу	дальнихъ	дальнихъ
—	9 »	закоптелыя	закоптълыя
44	19 сверху	имѣются	имѣется
—	14 »	въ изумительной	съ изумительной
51	9 снизу	слѣдовательно	слѣдовательно
52	9 сверху	окончанію	окончаніи
—	12 снизу	семейныя	семейные
53	20 »	ранои	раной
56	21 »	явнобрачныхъи	явнобрачныхъ и
—	5 »	свѣта	Свѣта
57	22 »	составляющую	составляющіе
58	2 сверху	происходятъ	происходятъ

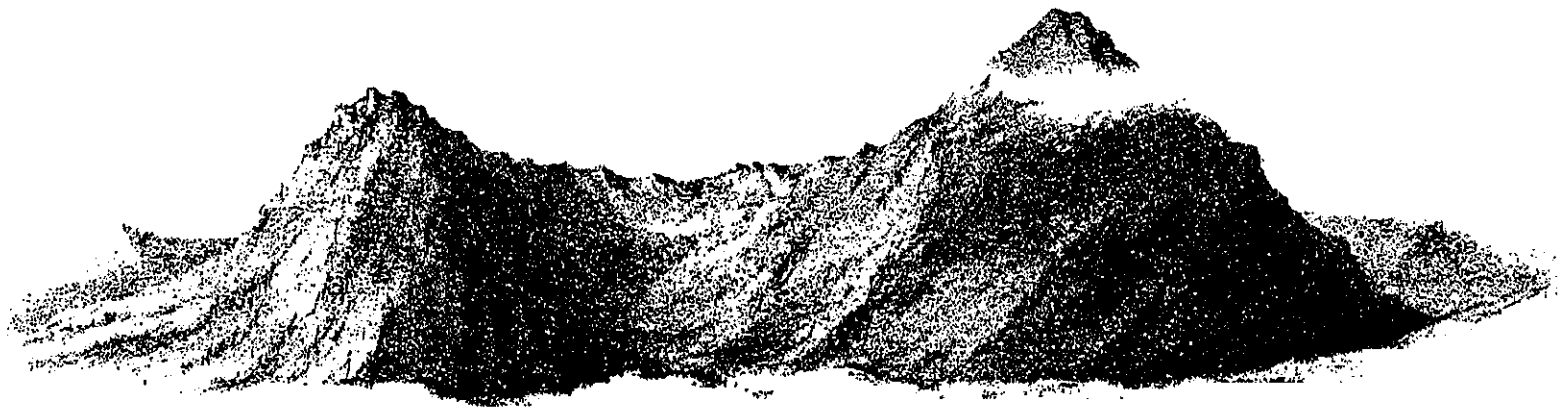
Примѣчаніе. На стр. 47-й, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится: „...они, какъ извѣство, считаются въ настоящее время христіанами съ 722 г.“ пропущена ссылка на сочиненіе Лепехина *«Продолженіе дневныхъ записокъ путешествія Ивана Лепехина и пр. Часть III. стр. 28. Изданіе Имп. Акад. Наукъ 1780 г.»*

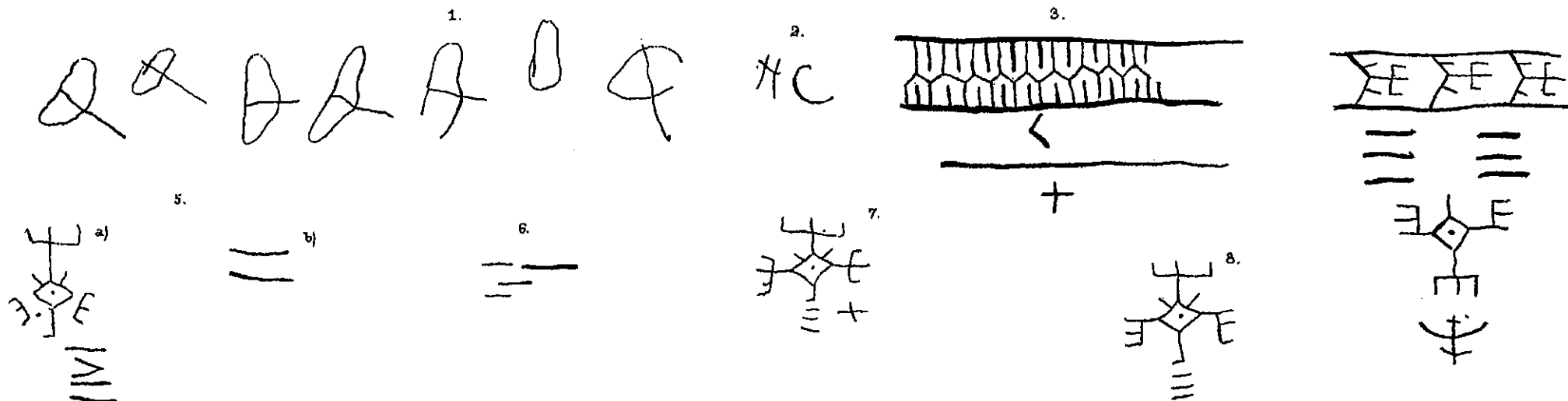
Часовня на вершинѣ горы Благодати

Памятникъ
Вотулу Степану Чумпину.

Общій видъ Денежкина Камня изъ Петропавловскаго завода.

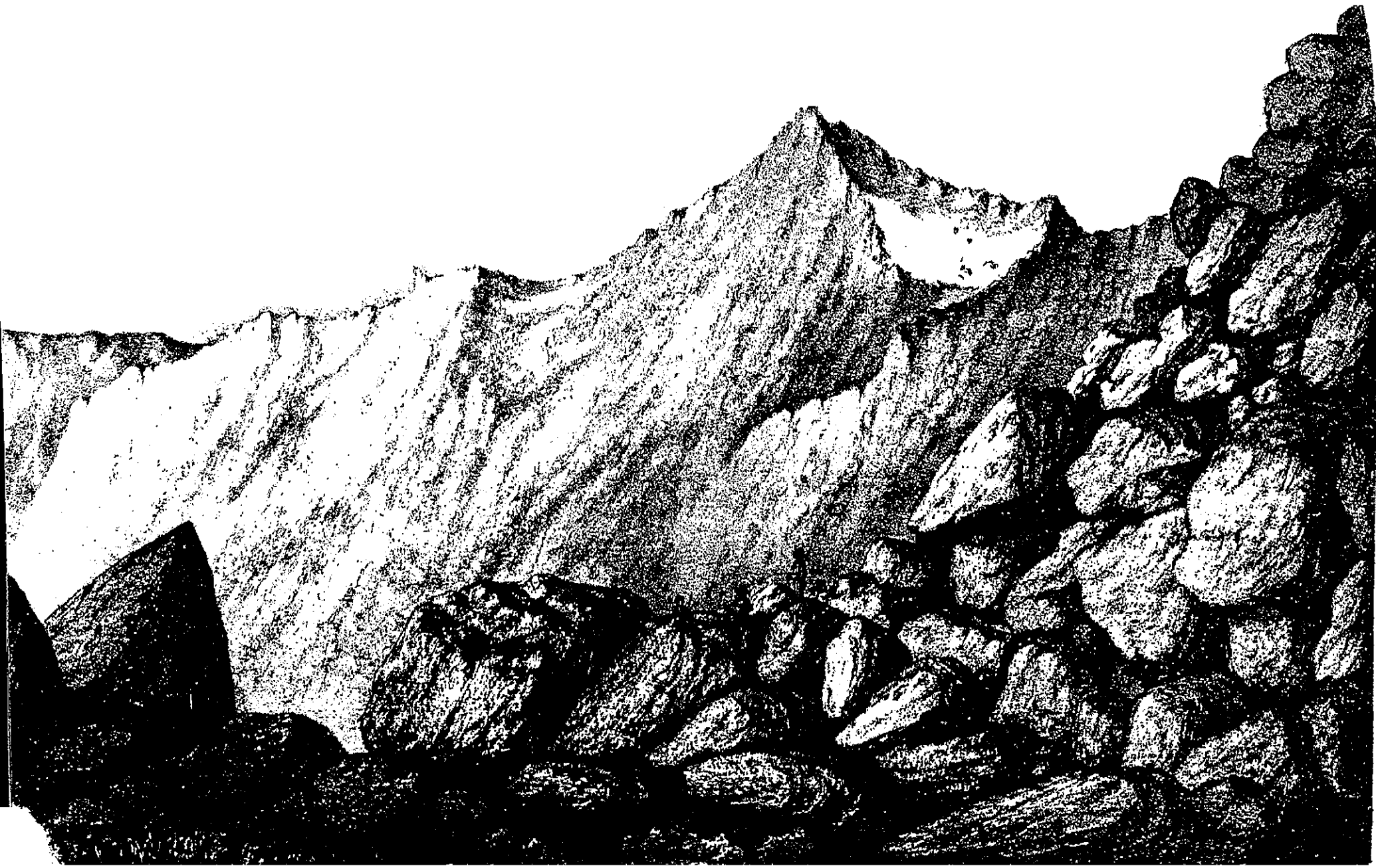
1 Печенья Вогуса съ 2 Печенья Вогуса Федора Укладова. 3 Тамга на лѣвой рукѣ дѣвки Вогусянки 4 Тамга у тойже дѣвки на правой рукѣ 5 Тамга у Вогуса Петра Бахтиярова а) на правой рукѣ. б) на лѣвой 6 Знаки на правой ногѣ старухи-Вогденки 7 Тамга на правой рукѣ Усая (Нериня) 8 Тамга на правой рукѣ Вогуса Федора Укладова.

Идолы Восточной Сибири.
 1. Идол в виде человеческой фигуры.
 2. Идол в виде овся.
 3. Нижняя часть идола. (подобно 1-му)

4. Бесло.
 5. Острога
 6. Сумка из оленьих шкур.
 7. Чумань из березовой коры.

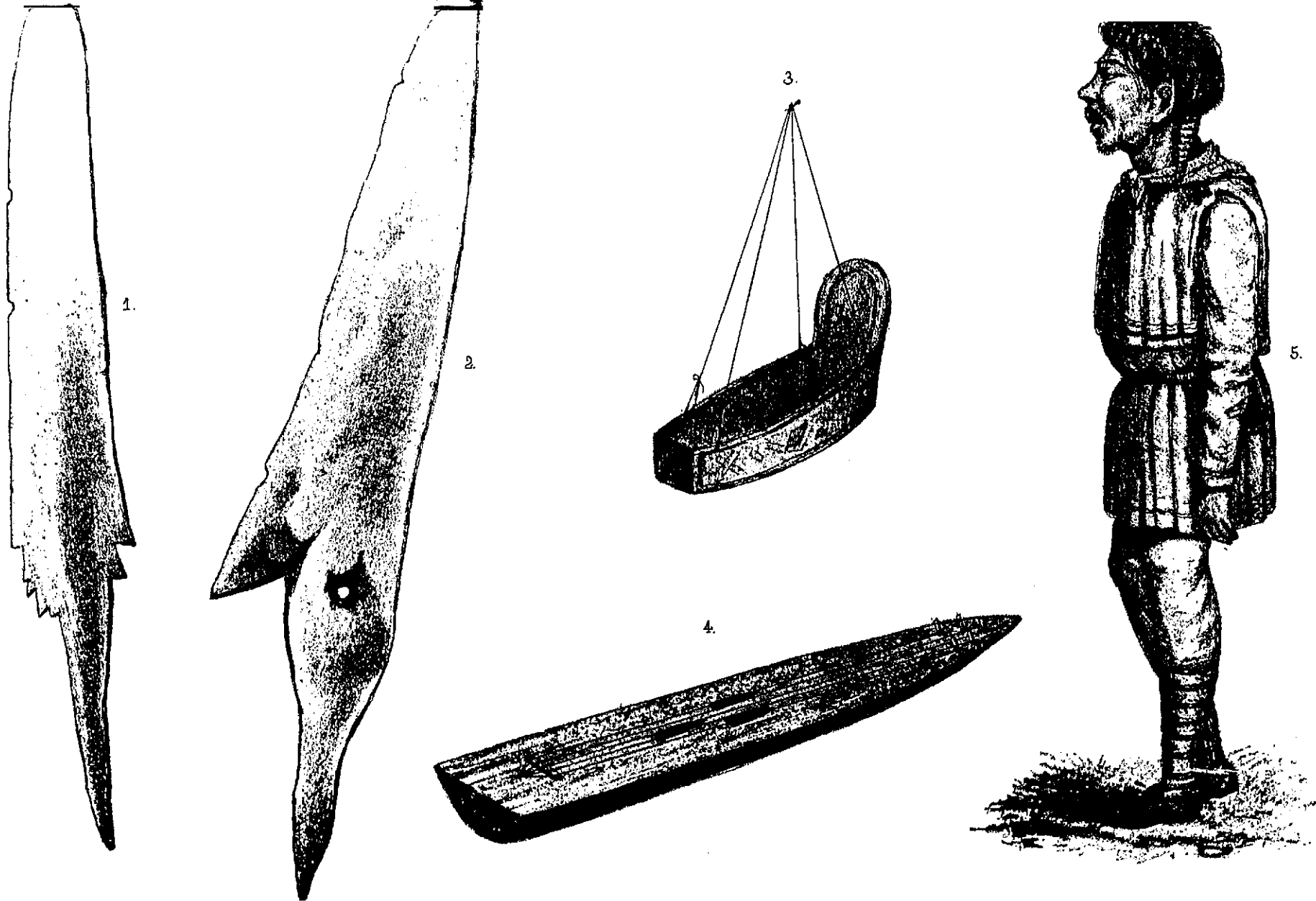

Рис. съезд. Н. Сорокина.

Рис. на камне. З. Иванова.

ИВАНОВЪ РАХТИРОВЪ

